

18+

Mercedes Рот

ТВОЯ ВИНА

CULPA TUYA

ОН ПРИШЕЛ В МОЙ МИР,
ЧТОБЫ ПЕРЕВЕРНУТЬ ЕГО

Мерседес Рон

Твоя вина

Серия «Клуб романтики»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67896042
Твоя вина: [роман] / Мерседес Рон: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-146643-5

Аннотация

Когда Николас Лестер влюбился в Ноа, он знал, что их отношения не будут простыми, ведь они – полные противоположности, огонь и электричество. Между ними летят искры.

До сих пор страсть была сильнее гордыни, но разница в возрасте, университет, вечеринки, родители и призраки прошлого, преследующие обоих, снова и снова заставляют их сталкиваться с жестокой реальностью.

Готова ли Ноа встретиться со своими страхами и снова кому-то довериться?

Сможет ли Николас оставить прошлое позади и открыть свое сердце по-настоящему?

Содержание

Пролог	5
1. Ноа	6
2. Ник	24
3. Ноа	33
4. Ник	47
5. Ноа	58
6. Ник	71
7. Ноа	76
8. Ник	91
9. Ноа	97
10. Ник	105
11. Ноа	113
12. Ник	121
13. Ноа	138
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Мерседес Рон

Твоя вина

Mercedes Ron

Culpa tuya

Copyright © 2017, Mercedes Ron

© 2017, Penguin Random House Grupo Editorial S. A.U

Travessera de Gràcia, 47–49, Barcelona 08021, Spain

© Роман Сычев, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Дизайн обложки Екатерины Климовой

* * *

Моей сестре Ро.

*Спасибо за то, что играешь со мной, слушаешь
меня, смеешься со мной и надо мной, и за то, что,
когда нужно, ты всегда рядом*

Пролог

Холодный дождь обрушивался на нас, почти замораживая, но это было неважно: ничто уже не имело значения. Я знала, что сейчас все изменится и мой мир вот-вот рухнет.

– Нет пути назад, не могу даже смотреть тебе в глаза...

По его лицу катились слезы.

Как я могла с ним так поступить? Его слова вонзались в душу как ножи, разрывающие изнутри.

– Даже не представляю, что сказать, – выпалила я, пытаюсь сдержать панику, грозившую поглотить меня.

Он не может меня бросить... Он этого не сделает, правда?

И вдруг он пристально посмотрел мне в глаза – взглядом, полным ненависти и презрения... я никогда не думала, что он может так на меня смотреть.

– Все кончено, – прошептал он срывающимся, но твердым голосом.

Когда он умолк, мой мир погрузился в глубокую тьму, мрачную и одинокую... застенки, предназначенные лишь для меня одной. Но я заслужила это, на сей раз – действительно заслужила.

1. Ноа

Наконец-то восемнадцать.

Помню, как одиннадцать месяцев назад считала дни до совершеннолетия, чтобы принять решение и убежать отсюда. Но, очевидно, сейчас все было уже совсем не так, как некоторое время назад. Все настолько изменилось, что казалось невероятным даже думать о чем-то подобном. Я не просто привыкла жить здесь, но теперь вообще не вижу себя где-либо еще, кроме этого города. Я смогла освоиться в школе и в новой семье.

Все препятствия, которые мне пришлось преодолеть не только за долгие месяцы, но и за годы (а все началось с момента моего рождения), сделали меня сильной. По крайней мере, я так думала. Много чего случилось, было и хорошее, и не очень, но мне досталось лучшее – Николас. Кто бы мог подумать, что я в конечном итоге влюблюсь в него? Но я безумно влюбилась – да так, что захватывало сердце. Мы должны были познавать друг друга, учиться жить как пара, что оказалось нелегко, но мы работали над собой каждый день. Как личности мы часто сталкивались, Ник был нелегким человеком, но, повторяю, я безумно люблю его.

Поэтому я больше грустила, чем радовалась перед предстоящим праздником по случаю дня рождения. Ника не было. Я не видела парня две недели. Он провел последние ме-

сяцы в Сан-Франциско... оставался год, чтобы подготовиться к гонке, и он воспользовался каждой из многочисленных дверей, которые открыл отец. Тот Ник, который попал в беду, остался далеко позади.

Теперь он был другим: повзрослел, стал лучше, хотя я и боялась, что в любой момент снова появится Ник из прошлого.

Я посмотрела в зеркало. Наскоро собрала волосы в пучок высоко на макушке. Получилось весьма элегантно, как раз для белого платья, которое мама и Уилл подарили на день рождения. Мать решила устроить грандиозную вечеринку. Сказала, что это ее последний шанс сыграть свою роль: ведь через неделю я окончу школу и уеду учиться в университет. Я подала заявки во многие заведения, но выбрала Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. Я слишком много всего пережила за все годы, так что мне не хотелось покидать город и, тем более, разлучаться с Ником. Он учится в том же университете, и хотя я знаю, что, скорее всего, он переедет в Сан-Франциско, чтобы работать в новой компании отца, я решила, что подумаю об этом позже: у меня еще есть время и совершенно нет надобности впадать в депрессию.

Я встала из-за туалетного столика и собиралась надеть платье, но невольно уставилась на шрам на животе. Пальцем погладила поврежденный участок кожи, отмеченный шрамом на всю жизнь, и вдруг почувствовала озноб. Грохот выстрела, унесшего жизнь моего отца, прозвучал в голове, и

пришлось сделать глубокий вдох, чтобы не потерять самообладание. Я ни с кем не говорила ни о кошмарах, ни о страхе, который испытываю каждый раз, когда думаю о случившемся, ни о том, как безнадежно бешено колотится сердце, когда рядом раздается слишком громкий звук. Не хочу признавать, что отец причинил мне жуткую травму, и теперь я не могу оставаться в темноте одна... Не хочу признавать, что не могу спокойно спать, не могу перестать думать об отце – и о его крови, брызжущей в лицо, хотя воспоминания сводят с ума. Я старалась держать их при себе: незачем другим знать, что мне хуже, чем раньше, а жизнь до сих пор полна страхов, которые этот человек посеял в моей душе. Мама, напротив, сейчас безмятежнее, чем когда-либо, поскольку тот ужас, который она всегда пыталась скрыть, исчез. Она счастлива с новым мужем и уже свободна от прошлого. Мне до ее состояния далеко.

– Ты еще не оделась? – спросил меня женский голос, обладательница которого заставляла меня громко смеяться, несмотря на мои тревоги.

Я повернулась к Дженне, и на моем лице сразу появилась улыбка. Лучшая подруга была потрясающей, как и всегда. Недавно она подстриглась, и ее волосы доходили до плеч. Я очень хотела сделать так же, но понимала, что Ник любит мои длинные волосы, поэтому оставила все как есть. Они почти доросли до пояса, и мне это нравится.

– Я раньше говорила тебе, как восхищаюсь твоим задом? –

Дженна пропустила меня вперед и шлепнула по ягодицам.

– Ты спятила, – сказала я, схватив платье и надевая его через голову.

Дженна подошла к сейфу, возле которого лежали туфли. У шкафчика не было ни кодового замка, ни чего-либо еще, поскольку раньше он не использовался, но вот Дженна обнаружила его и стала хранить там кучу всевозможных вещей.

Я фыркнула, когда она достала бутылку шампанского и два бокала.

– Выпьем за твое совершеннолетие! – предложила подруга, наполнив бокалы и протягивая мне один.

Я ухмыльнулась. Конечно, если мама увидит, то убьет меня, но это ведь мой день рождения, должна же я отпраздновать, верно?

– За нас! – объявила я.

Мы чокнулись и поднесли бокалы к губам. Шампанское оказалось вкусным. Наверняка бутылка стоит больше трехсот долларов, но Дженна всегда играла по-крупному и привыкла к роскоши, она никогда не испытывала недостатка ни в чем.

– А платье сногшибательное, – сказала она, наблюдая за мной.

Я с довольным видом посмотрела на себя в зеркало. Платье было великолепным: белое, облегающее, с тонкими кружевными рукавами до запястий, бросавшими на мою светлую кожу тени в виде геометрических узоров. Обувь тоже

оказалась потрясающей и делала меня высокой, почти такой же, как Дженна. Подруга нарядилось в милое короткое бордовое платье.

– Внизу куча народу, – добавила она, поставив бокал на пол.

Я поступила так, как сочла нужным: взяла ее бокал и выпила пузырящуюся жидкость залпом.

– И не говори! – воскликнула я, разнервничавшись.

Внезапно мне не хватило воздуха. Платье было слишком тугим и не давало свободно дышать.

Дженна глазела на меня и ехидно усмехалась.

– Над чем смеешься? – буркнула я, рассердившись на то, что ей не пришлось проходить через мои мучения.

– Ни над чем. Но знаю, что ты не любишь, когда тебя дразнят, так что успокойся, – ответила она и шагнула ко мне. – А сейчас надо убедиться, что мы отлично проводим время. – Дженна чмокнула меня в щеку.

Я благодарно улыбнулась. Пусть мой парень пропустит празднование, зато рядом будет лучшая подруга.

– Спустимся? – предложила она, поправляя платье.

– А что еще делать?!

Сад оказался полностью преображен. Мама просто свихнулась: арендовала просторный белоснежный шатер. Его украсили множеством воздушных шариков, внутри и снаружи расставили круглые розовые столики и дизайнерские сту-

лья, между которыми дефилировали официанты в пиджаках и бабочках.

Также в шатре находился бар с напитками. Длинные узкие фуршетные столы возле него ломились от подносов со всевозможными ресторанными блюдами. Однако это меня не слишком шокировало, ведь мама всегда хотела устроить мне крутую вечеринку на день рождения, она всегда шутила над моим совершеннолетием и будущим переездом в университет. Мы представляли, какой праздник устроим, если выиграем в лотерею, и... вот, мы выиграли!

Но с другой стороны, это было уже за гранью.

Когда я появилась в саду, все одновременно прокричали: «С днем рождения!» – как будто мне неизвестно, какова настоящая причина праздника. Мама тут же подошла ко мне. – Поздравляю, Ноа! – сказала она, крепко обняв меня.

Я обняла ее в ответ и с изумлением смотрела, как за ней вырастает очередь, чтобы поздравить виновницу торжества. Пришли все мои школьные друзья вместе с родителями (с некоторыми дружила и мама), а еще – соседи и приятели моего отчима Уильяма. Я снова занервничала и принялась бессознательно искать глазами Николаса: только он сумел бы меня успокоить. Однако его не было... Конечно, он не придет, он ведь в другом городе, я не увижу его до конца недели – только на выпускном, но крохотная часть меня все еще надеялась обнаружить парня среди толпы гостей.

Я пробыла в саду целый час, пока, наконец, Дженна не

подошла ко мне и не поволокла в бар, где обустроили две зоны: одну для тех, кто младше двадцати одного и другую – для взрослых.

– Кстати, коктейль называется в твою честь! – Дженна засмеялась.

– Мама реально спятила, – сказала я, когда официант подал нам напитки.

Парень наблюдал за мной и улыбался, стараясь не расхохотаться. Отлично. Уверена, он думает, что я сноб.

Меня восхитило оформление коктейля. Это был бокал для мартини с ярко-розовой жидкостью, разноцветными сахарными крошками по краю и насаженной сверху клубничкой. На ножку прикрепили ленточку с цифрой восемнадцать, сделанной из маленьких белых жемчужин.

– Ему кое-чего не хватает, – заявила Дженна, потихоньку вынимая фляжку из сумочки и наливая спиртное в бокалы.

Хм... кажется, нужно все же замедлить темп, если я не хочу совсем накидаться.

Тем временем диджей ставил самые разные музыкальные треки, и гости танцевали как безумные. Вечеринка удалась.

Дженна тоже потащила меня танцевать, и мы обе прыгали и дурачились. Я умирала от жары: близилось лето.

Лион внимательно наблюдал за нами, стоя поодаль. Он прислонился к декоративной колонне и смотрел, как Дженна лихорадочно трясет задом. Я в который раз рассмеялась и, запыхавшись, направилась к нему: пусть подруга без меня

дрыгается вместе с остальными.

– Тебе скучно, Лион? – спросила я.

Он весело подмигнул мне, хотя я поняла: что-то его беспокоит. Глаза парня по-прежнему были устремлены на Дженну.

– Поздравляю, Ноа, – сказал он, – у меня еще не было возможности поздравить тебя наедине.

Мне показалось странным видеть его без Ника. Парень не очень хорошо знал ребят из нашего класса. Лион и Ник старше нас с Дженной на пять лет, и разница в возрасте очень заметна. Ребята из моего класса казались менее зрелыми, чем эти двое, и было нормально, что они не тусовались с нами, когда мы гуляли с ровесниками.

– Спасибо, – ответила я. – Есть новости от Ника? – спросила я, чувствуя, как внутри все съежилось. – Он не звонил и не писал.

– Вчера Ник сказал, что очень занят на работе, в фирме его с трудом отпускают на обед, поэтому он попросил не спускать с тебя глаз, – ответил Лион и широко улыбнулся.

– По-моему, сейчас ты пялишься на другого человека, – заявила я, обнаружив, что он снова смотрит на Дженну.

В это мгновение она обернулась и просто просияла. Она по уши влюблена в Лиона. Когда Дженна ночевала у меня, мы часами говорили о том, как нам повезло, что мы влюбились в парней, которые являются близкими друзьями. Я знала, что Дженна не полюбит никого, кроме него, и мне нрави-

лось думать, что Лион влюблен в нее так же сильно.

Я восхищалась Дженной. Она действительно была самой лучшей! Я ценила ее, она всегда оказывалась рядом, когда была нужна, и это помогло мне осознать, какой должна быть настоящая подруга: не ревнивая, манипулятивная и злобная, как Бэт в Канаде. И конечно, я понимала, что она не способна причинить мне боль, по крайней мере, нарочно.

Она подбежала к нам и поцеловала Лиона. Он нежно обнял ее, и я отошла в сторону, внезапно огорчившись. Я скупала по Нику, хотела, чтобы он был здесь, и нуждалась в нем. Я проверила телефон – ничего, ни звонка, ни единого сообщения. Парень начинал меня раздражать. Ведь надо потратить всего-то пару секунд, чтобы написать мне. Что, черт возьми, случилось?

Я поплелась к бару, где подавали напитки гостям старше двадцати одного. Правда, там уже было не особо много народа.

Барменом оказался тот же самый парень, который предложил коктейли нам с Дженной.

Я влезла на высокий табурет и наблюдала за мальчишкой, раздумывая, как бы уломать его, чтобы он дал и мне чего-нибудь покрепче.

– Не будет ли дерзостью попросить вас сделать для именинницы коктейль, но не с розовенькой водичкой, а с алкоголем? – выдавила я, догадываясь, что меня вежливо пошлют куда подальше.

К моему удивлению, он приветливо кивнул и, убедившись, что никто не видит, достал рюмку и наполнил ее золотистой жидкостью.

– Текила? – спросила я, хмыкнув.

– Если спросят, это был не я, – ответил бармен, отвернувшись.

Я рассмеялась и быстро поднесла рюмку к губам. Глотнула текилы, которая тут же обожгла горло. Да, она была убойной.

Я оглянулась и обнаружила, как Дженна ведет Лиона в самый укромный и темный уголок шатра. Я чувствовала себя подавленной, видя, как эта парочка обнимается и целуется.

«Будь ты проклят, Николас Лейстер, ты ни на секунду не исчезаешь из моей головы».

– Еще? – предложил бармен.

Я знала, что злоупотребляю, но это была моя вечеринка. Разве я не заслуживала ее? Я имею право на все, что захочу!

Я снова собиралась выпить, как вдруг из ниоткуда появилась чья-то рука и вырвала рюмку из моих пальцев.

– Думаю, уже достаточно, – проворчал мужской голос.

Этот голос.

Я подняла глаза. Так и есть: Ник. В рубашке и брюках, со слегка растрепанными черными волосами и небесно-голубыми глазами, сияющими сдержанным волнением, переполненные счастьем с намеком на некоторую таинственность.

– Боже мой! – воскликнула я и поднесла ладони ко рту.

Он улыбнулся. *Эта улыбка* предназначалась только мне. Секунду спустя я бросилась в его объятия.

– Ты пришел! – закричала я и прыгнула с табурета. Я прильнула к Нику, сжимая его в ответных объятиях, вдыхая его запах и снова чувствуя себя живой.

Он еще раз крепко сжал меня и чуть отпустил, чтобы я смогла дышать. Он рядом! Боже мой, он со мной!

– Я скучал по тебе, Рыжая, – шепнул мне на ухо Ник и, помедлив, поцеловал в губы.

Все мои нервные окончания мгновенно очнулись. Целых четырнадцать долгих дней я не чувствовала ни его рта, ни его рук!

Ник жадно скользнул глазами по моему телу.

– Ты прекрасна, – хриплым голосом прошептал он, положив руки мне на талию и прижимая к груди.

– Что ты тут делаешь? – спросила я, пытаясь сдержать желание продолжать его целовать.

Разумеется, мы ничего не можем сделать – вокруг люди, а наши родители совсем рядом... Я забеспокоилась.

– Я даже не думал пропустить твой день рождения, – заверил меня Ник, и его глаза впились в мое лицо.

Между нами словно проскочил электрический разряд. Мы никогда не проводили так много времени вдали друг от друга, по крайней мере, с тех пор как начали встречаться. Я привыкла, что Ник всегда находился рядом со мной.

– Как ты сюда попал? – прошептала я, обвивая его руками.

Мне совершенно не хотелось прекращать обнимать Ника.

– Лучше не спрашивай, – ответил он, целуя меня в макушку.

Я почувствовала запах его парфюма, и мои глаза сами собой закрылись от восторга. Но лишь на секунду.

– Хорошая вечеринка! – Ник тихо засмеялся.

Я с трудом оторвалась от созерцания его торса и недобро посмотрела на парня.

– Это была не моя идея.

– Знаю, – заверил он с широкой улыбкой.

Я чувствовала, как мое сердце разрывается от счастья. Как я соскучилась по улыбке Ника!

– Хочешь попробовать коктейль «Ноа»? – спросила я.

Бармен услышал меня и сразу принялся за дело.

– У тебя есть фирменный коктейль, Рыжая? – поинтересовался мой парень и нахмурился, когда бармен налил в бокал с клубничкой розовую жидкость и через несколько секунд протянул напиток Нику.

Николас недоуменно уставился на коктейль, и мне стало ужасно смешно.

– Думаю, надо попробовать...

У напитка был вкус растаявшего шоколада. Бедняга выдул его целиком, не возражая.

Я не могла перестать улыбаться и чувствовала себя бесконечно счастливой! Ник заразился моей радостью. Его рука потянулась ко мне, а губы замерли возле моего уха. Он ед-

ва-едва коснулся чувствительного местечка на моей шее, и я ощутила, что буквально умираю от простого прикосновения его губ.

– Хочу проникнуть в тебя, – еле слышно сказал он.

У меня задрожали ноги.

– Не здесь, – шепотом ответила я, стараясь себя контролировать.

– Ты мне доверяешь?

Что за глупый вопрос? На свете нет никого, кому я бы доверяла больше. Я посмотрела ему в глаза: таков был мой ответ.

Он обезоруживающе улыбнулся.

– Жди меня за домом, у бассейна, – приказал он, быстро чмокнув меня в губы.

Прежде чем он ушел, я схватила его руку.

– Ты не пойдешь вместе со мной? – взволнованно сказала я.

– Думаю, хитрость в том, чтобы никто не сообразил, что мы собираемся сделать, любимая, – признался он с той ехидной ухмылкой, которая заставляла трепетать все мое тело.

Я видела, как он уходил, чтобы поприветствовать гостей: Ник излучал уверенность и обаяние. Я постояла несколько секунд, наблюдая за ним, чувствуя, как бабочки в животе начинают неистовствовать. Не хотелось признаваться, что мне страшно идти одной: ведь я окажусь в темноте и вдали от людей.

Пытаясь контролировать дыхание, я взяла со стойки рюмку и поднесла ко рту. Текила на несколько секунд успокоила меня. Я глубоко вздохнула и направилась к бассейну, который находился за шатром. Гости танцевали и веселились. Я шла вдоль бортика, стараясь не упасть в воду, пока не добралась до маленького домика.

Здесь росли высокие деревья и слышался шум волн, врезавшихся в скалу. Я прислонилась спиной к стене дома, все еще прислушиваясь к возгласам гостей и стараясь не потерять самообладание.

Я зажмурилась и услышала шаги Николаса. Его губы быстро поцеловали меня, и я потеряла дар речи. Я открыла глаза и встретила с ним взглядом.

Его глаза были красноречивее любых слов.

– Ты не представляешь, как я соскучился по этому, – связыв Ник, запрокинув мою голову и нежно целуя.

Я буквально растаяла в его объятиях.

– Боже... как я жаждал прикоснуться к тебе! – воскликнул Ник. Он обхватил меня обеими руками и принялся тереться носом о мою шею, бесконечно медленно поглаживая мою кожу сверху вниз.

Мои руки обвились вокруг Ника, и я крепко притянула его к себе. На этот раз мы целовались с большим отчаянием, согреваясь, как пылающий огонь пожара. Язык Николаса яростно сплетался с моим, а наши тела льнули друг к другу. Я так хотела прикоснуться к нему, хотела чувствовать его ко-

жу под своими пальцами!

– Ты скучала по мне, Рыжая? – спросил он и провел пальцем по моей щеке: теперь он смотрел на меня так, словно я была подарком, а не наоборот.

Я попыталась кивнуть, но дыхание настолько участилось, что изо рта вырвался шумный вздох, который усилился, когда его губы оказались у моей шеи.

– Я больше не хочу тебя покидать, – сказал Ник в перерыве между поцелуями.

Я горько улыбнулась.

– Это не тебе решать.

Он заглянул мне в глаза.

– Я возьму тебя с собой... куда бы ни пошел.

– Звучит романтично, – ответила я и чмокнула его в скулу.

Ник заключил мое лицо в свои ладони.

– Я серьезно, Ноа. Я просто не могу без тебя.

Я рассмеялась, но он заткнул мне рот поцелуем, заставившим меня замолчать. Поцелуй Ника был полон еле сдерживаемой страсти.

– Хочу снять с тебя эту проклятую тряпку, – пробормотал Николас, задирая тонкую ткань платья до моей талии.

Его глаза впились в мою обнаженную кожу, и Ник посмотрел на меня с желанием, отраженным в его взгляде, – темным желанием, питаемым расстоянием и временем, которые нас разделяли еще не так давно.

– Я бы занимался с тобой любовью всю ночь, – добавил

он. Его руки замерли на моих трусиках.

Меня пробрала дрожь.

– Ты бы хотела подождать? – спросил он, хотя желание так горело в его небесно-голубых глазах. – Я бы отвез тебя в пентхаус, но, думаю, они будут тебя искать.

– Да, так и есть, ты прав... – сказала я, прикусив губу. Я никогда не делала этого с ним в таких обстоятельствах, но ждать уже не хотела и не могла.

Ник впечатал меня в стену, и я почувствовала прикосновение его возбужденной плоти.

– Мы сделаем это быстро, никто нас не увидит, – заверил он меня тихо, не переставая целовать.

Я кивнула, пальцы Ника спустили мои трусики, и они упали на землю.

Я прикоснулась к галстуку Ника, потянула за узел и развязала его.

– Я хочу тебя рассмотреть, – сказала я, отстраняясь.

Ник нежно улыбнулся и чмокнул меня в кончик носа. Он держал меня за руки, а затем отпустил, и я обхватила его затылок.

Когда я чуть отстранилась, то молча наблюдала за ним и не двигалась, пока он расстегивал штаны. Секунду спустя я опять прижалась спиной к стене. Он сладко смотрел на меня, с расширенными зрачками, готовил безмолвным взглядом, передавал тысячу вещей.

Он поцеловал меня, а потом вошел. Несколько месяцев

назад я начала принимать противозачаточные таблетки и была очень благодарна им – я чувствовала Ника по-настоящему, без барьеров. Из горла вырвался заглушенный крик, и Николас тут же закрыл мой рот ладонью.

– Нельзя шуметь, – предупредил он, сохраняя неподвижность.

Я кивнула в нервном напряжении. Он стал двигаться, сначала медленно, но постепенно ускоряя темп. Наслаждение начало расти во мне с каждым толчком. Наконец Ник оторвал ладонь от моего рта и погладил меня там, где я больше всего этого хотела.

– Ник...

– Подожди... – попросил он, крепко держа меня за бедра.

Я закрыла глаза, пытаюсь сдержаться.

– Давай сделаем это вместе... – прошептал он мне на ухо.

Его зубы захватили мою нижнюю губу, он укусил меня, и удовольствие внутри меня возросло до такой степени, что уже не было сил сдерживаться. Ник поцелуем заглушил вырвавшийся наружу крик. Я сразу заметила, как он напрягся и зарычал, сопровождая меня в этом путешествии бесконечного удовольствия.

Я откинула голову назад, пытаюсь контролировать дыхание, в то время как Николас продолжал крепко меня держать.

– Я люблю тебя, Ник, – сказала я, когда его глаза пристально впились в мое лицо.

– Мы с тобой не созданы для разлуки, – ответил он.

2. Ник

Черт, как же я по ней скучал! Дни казались бесконечными, нечего и говорить о неделях. Пришлось изрядно потрудиться, чтобы мне позволили вернуться раньше, но оно того стоило.

– Ты в порядке? – спросил я, взволнованно дыша. Мы никогда не делали этого вот так, никогда. С Ноа я себя контролировал и относился к ней с должным уважением, но теперь не мог ждать. Как только я увидел ее, сразу захотел овладеть ей.

Наши взгляды встретились, и на ее личике появилась удивительная улыбка.

– Это было... – начала она, но я поцелуем помешал ей говорить. Я боялся того, что она может сказать, потерялся в сиюминутном желании. Она была потрясающей, как никогда, белоснежное платье Ноа сводило меня с ума.

– Я безумно тебя люблю, ты ведь знаешь? – спросил я, отстраняясь.

– Я люблю тебя больше, – ответила она, и только после этих слов я заметил, что у нее выступила кровь на губе.

– Я сделал тебе больно, – расстроился я, поглаживая ее рот и вытирая появившуюся капельку крови. Черт, я грубый урод. – Прости, Рыжая.

Она рассеянно закусила распухшую губу, глядя на меня.

– Это было как-то по-другому, – выпалила она секунду спустя.

Да, так и есть.

Я отошел и застегнул штаны. Чувствовал себя виноватым: с Ноа нужно заниматься сексом в кровати, а не у стены, будто ее насилуют.

– Что с тобой? – спросила она, озабоченно глядя на меня.

– Ничего, извини, – ответил я, снова целуя ее. Я опустил платье на ее бедра, сдерживая желание продолжить. – С днем рождения, – поздравил я, улыбаясь и доставая из кармана белую коробочку.

– Ты принес мне подарок? – взволнованно спросила она. Она такая милая и такая идеальная... Когда я просто смотрю на Ноа, у меня поднимается настроение, а случайно дотронувшись до нее, я завожусь, как мотоцикл.

– Не знаю, понравится ли тебе... – Я внезапно разнервничался.

Ее глаза широко раскрылись, когда она взглянула на коробочку.

– «Картье»? – Ноа изумленно заморгала. – Ты спятил, Ник?

Я нахмурился, ожидая, что она откроет коробочку. Когда она все же решилась, маленькое серебряное сердечко на цепочке сверкнуло в полумраке. Ноа просияла, и я облегченно выдохнул.

– Оно прекрасно! – восхитилась Ноа, прикоснувшись к

подарку пальчиками.

– Теперь мое сердце будет с тобой везде, куда бы ты ни пошла, – сказал я, целуя ее в щеку. Это самая банальная вещь, которую я когда-либо говорил, но все вышло само собой. Ноа превращала меня во влюбленного идиота.

Она взглянула на меня, и я понял, что ее глаза стали мокрыми от слез.

– Я люблю тебя, а подарок мне очень нравится! – воскликнула она и поцеловала меня в губы.

Я улыбнулся и попросил повернуться, чтобы надеть на Ноа кулон. Платье обнажало шею, я не удержался и поцеловал девушку в затылок. Она вздрогнула и сделала глубокий вдох, задержав на мгновение дыхание.

Я застегнул замочек цепочки и молча любовался тем, как Ноа прихорашивается передо мной.

– Как я выгляжу? – спросила Ноа, глядя на меня исподлобья.

– Ты прекрасна, как всегда, – ответил я.

Но нам следовало возвращаться, и это было последнее, что я хотел сделать в тот момент. Я хотел провести наедине с Ноа всю ночь.

Хотя правда состояла в том, что я всегда хотел быть с ней наедине, но максимально жаждал этого именно в ту минуту: ведь мы очень долго не виделись.

– Мне идет? – невинно поинтересовалась она.

Я усмехнулся.

– Конечно, – сказал я, застегивая пуговицы на рубашке и поднимая галстук, лежащий на земле.

– Я помогу! – Ноа рассмеялась.

– Когда ты этому научилась? – уточнил я, зная, что она не справится с узлом. Когда я здесь жил, то всегда сам завязывал галстук.

– Я должна была научиться: ведь мой привлекательный парень променял меня на холостяцкую квартиру, – сказала она, затянув узел.

– Привлекательный, значит?

Ноа закатила глаза.

– Давай вернемся, иначе все догадаются, чем мы занимались.

Я бы хотел, чтобы так и произошло. И пусть парни держатся подальше от моей девушки. Однако, несмотря на все, что мы пережили вместе, для большинства мы оставались сводными братом и сестрой.

Она ушла первой, ну а я закурил сигарету. Ноа не любит, когда я дымлю, но если я этого не сделаю, точно свихнусь. Перед уходом что-то привлекло мое внимание.

Трусики Ноа валялись у меня под ногами.

Она забыла их надеть?

Когда я вернулся на вечеринку, то обнаружил, как Ноа разговаривает с друзьями. Там околачивалась парочка парней, и один положил руку ей на плечо. Я выдохнул, чтобы

не быть на взводе, и ринулся к ним. Как только Ноа увидела меня, она бросилась ко мне, погладила по спине и привалилась к моей груди.

Я успокоился. Этого уже достаточно.

– А где Лион? – спросил я, ища друга взглядом. Я немного волновался за него. Он позвонил, когда еще был в Сан-Франциско, и сказал, что его старший брат Лука скоро выйдет из тюрьмы. Парень провел там четыре года: его поймали на продаже травки и сразу упекли за решетку. Если честно, я был не слишком счастлив в связи с его будущим освобождением: не то, чтобы я не радовался за Лиона (в конце концов, Лука его кровный родственник), но неизвестно, как он изменился, да и вообще стоит ли сейчас моему другу иметь в окружении бывшего заключенного.

– По правде говоря, я потеряла его из виду, – сказала Ноа. – В любом случае, думаю, пора пообщаться с родителями... – добавила она, и я тут же напрягся.

После нашего краткого исчезновения и возвращения на праздник, конечно, стало очевидно, что у нас все серьезно, и родителям это совсем не понравилось. Теперь-то они старались не спускать с нас глаз. Ясно, что отец не допустит скандала: мы ведь публичная семья, и он четко дал понять, что нам следует оставаться просто братом и сестрой. Нет ничего удивительного в том, что Раффаэлла не встала на нашу сторону. Напротив, она уже смотрела на меня с подозрением, которое сводило с ума.

– Ух ты! Сын вернулся! – воскликнул отец с фальшивой улыбочкой.

– Папа, – ответил я в знак приветствия. – Привет, Элла, – поздоровался я таким ласковым голосом, каким только мог.

Раффаэлла, к моему изумлению, улыбнулась и обняла меня.

– Рада, что ты смог приехать, – сказала она, переводя взгляд на Ноа. – Девочке было очень грустно без тебя.

Я посмотрел на покрасневшую Ноа и подмигнул ей.

– Как дела в фирме? – спросил отец.

Папаша заставил меня работать на одного авторитарного ублюдка, который управлял фирмой, пока я набирался опыта, чтобы перенять руководство. Все знали, что я прекрасно подготовлен, но отец до сих пор не доверял мне.

– Изнуряюще, – ответил я, стараясь не убить папашу взглядом.

– Как сама жизнь, – пошутил он и окончательно испортил мне настроение. Надоело слушать эту чушь, я уже несколько месяцев не веду себя как ребенок, не боюсь брать ответственность и не останавливаюсь ни на минуту. Кроме вкалывания на отца, целый год у меня были гонки, а впереди еще куча экзаменов. Большинство моих ровесников даже не представляли себе, что такое фирма, зато я уже набрался опыта, обогнав многих из тех, кто успел получить диплом. Однако отец не доверял мне.

– Потанцуешь со мной? – прервала мои размышления

Ноа, тем самым не давая моему отцу сказать очередную гадость.

– Конечно.

Мы прошли к танцполу. Диджей поставил медленную музыку, и я осторожно притянул Ноа к себе, стараясь не допустить, чтобы мое плохое настроение или гнев пали на единственного человека, который был мне дорог на этой вечеринке.

– Не сердись, – пробормотала она, взъерошив мои волосы на затылке.

Я на миг прикрыл глаза, отдаваясь нежным прикосновениям, но моя рука сразу опустилась ниже ее талии, лаская поясницу Ноа.

– Невозможно злиться на тебя, зная, что у тебя под платьем ничего нет.

– А я и не заметила, – ответила она и захлопала ресницами.

Я посмотрел на Ноа. Она была прекрасна.

Я прижался лбом к ее лбу.

– Прости, – извинился я, отстранившись и упиваясь ее прекрасными глазами.

Через секунду Ноа улыбнулась.

– Останешься на ночь? – спросила она.

Вот черт! Опять то же самое. Я не хотел оставаться, я переехал несколько месяцев назад и совершенно не жаждал находиться под пристальным вниманием отца. Я не мог до-

ждать, когда переедет и Ноа: меня бы устроило, если бы она постоянно была рядом со мной.

– К сожалению, нет, – сказал я, покосившись на гостей, которые время от времени пялились на нас. Конечно, брат и сестра не танцуют так вызывающе, но мне было наплевать.

– Я не видела тебя две недели, мог бы и пересилить себя, – заявила она сердитым тоном.

Если мы продолжим в таком духе, то все закончится спором, чего мне вообще не хотелось.

– Значит, придется спать раздельно. Нет уж, спасибо, – угрюмо отозвался я.

Она насупилась.

– Ну же, Рыжая, не сердись... Ты в курсе, что я ненавижу оставаться здесь, ненавижу не прикасаться к тебе, ненавижу слушать чушь, которую вечно порет отец.

– В таком случае я не знаю, когда мы встретимся: у меня не получится уехать на этой неделе. Надо готовиться к выпускным экзаменам.

Твою мать.

– Я заберу тебя, и мы немного побудем вместе, – предложил я спокойным голосом, поглаживая ее по спине.

Она вздохнула и отвела взгляд в сторону.

– Не заставляй меня чувствовать себя виноватым! Пожалуйста, Ноа! Ты же понимаешь, я не могу здесь оставаться, – продолжил я, взяв ее за подбородок и заставив посмотреть на меня.

Несколько секунд она хранила молчание.

– Раньше ты оставался...

Ее глаза, наконец, встретились с моими.

– Раньше мы не были вместе! – Я отмахнулся.

Ноа больше ничего не говорила, и мы вновь стали двигаться в такт музыке. Взгляд Раффаэлли не отрывался от нас все время, пока мы были на танцполе.

3. Ноа

Почти все гости разошлись. Дженна прощалась с мамой, а Ник курил и о чем-то болтал с Лионом. Я огляделась вокруг (повсюду царил беспорядок, ведь праздник закончился) – и мне искренне захотелось поблагодарить тех, кто убирал дом каждый день.

После шумного торжества, я решила побыть в одиночестве, чтобы оценить, как же мне повезло. Вечеринка была потрясающей: пришли все друзья. Они подарили замечательные подарки, которые теперь лежали огромной кучей на диване в столовой. Я собиралась отнести их в свою комнату, но вдруг почувствовала, что кто-то обхватил меня за талию.

– Тебе принесли много презентов, – прошептал Ник мне на ухо.

– Да, но ни один из них не может сравниться с твоим, – сказала я, поворачиваясь, чтобы посмотреть Нику в глаза. – Это самая красивая вещь, которую мне когда-либо дарили, и она много значит, потому что она именно от тебя.

Похоже, парень несколько мгновений обдумывал мои слова, пока на его губах не появился намек на улыбку.

– Будешь всегда носить сердечко? – спросил он.

Я понимала, что для Ника это очень важно – он каким-то образом вложил всю свою любовь в серебряный кулон. У меня сразу потеплело в груди.

– Всегда.

Он широко улыбнулся и притянул меня к себе. Его губы нежно коснулись моих. Как сладко! Я закрыла глаза и подавалась вперед, чтобы страстно его поцеловать, но он удержал меня.

– Хочешь еще? – прошептал Ник в мои приоткрытые губы. Почему он медлит?

Я взглянула на него и обнаружила, что он пристально смотрит на меня. Его глаза были потрясающего светло-синего оттенка, и меня пробрал озноб.

– Ты знаешь, что да, – взволнованно ответила я, часто дыша.

– Поедем ко мне сегодня вечером.

Я вздохнула. Я безумно хотела, но не могла. Во-первых, маме не нравилось, когда я ночевала у Ника, и обычно я лгала и говорила, что останусь у Дженны. Кроме того, нужно заняться учебой, на этой неделе у меня четыре выпускных экзамена, их нельзя завалить.

– Не получится, – ответила я, смежив веки.

Его рука осторожно спустилась по моей спине, лаская так нежно, что по всему телу побежали мурашки.

– Нет, можешь, и мы продолжим с того места, на котором остановились в саду, – повторил он, прикусив мою мочку уха.

Я чувствовала трепыхание бабочек в животе – мое желание все возрастало и возрастало. Теперь его язык ласкал мою

левую мочку и спустя некоторое время вновь уступил место зубам... я хотела ехать... Но не могла.

Я отпрянула, и, взглянув Николасу в глаза, вздрогнула... как мне не хватало этого томного взгляда и мускулистого тела. Он пугал меня, и в то же время только с ним я чувствовала себя в безопасности.

– Увидимся, Ник, – сказала я, делая шаг назад.

Он уставился на меня одновременно весело и раздраженно.

– Ты ведь понимаешь, что если не поедешь сейчас, то секса не будет до выпускного?

Я опять глубоко вздохнула: он играл грязно, но говорил правду. У меня оставалось мало времени, и еще меньше, чтобы поехать к Нику, но он не хотел ночевать в этом доме, не собиравшись еще раз сталкиваться с отцом...

– Давай сходим в кино, – предложила я срывающимся голосом.

Ник рассмеялся.

– Ладно, как хочешь, Рыжая, – согласился он, подойдя ближе и целомудренно чмокнув меня в лоб. Конечно, он сделал это нарочно. – Увидимся через два дня и сходим в кино. И будь, что будет.

Я хотела удержать его и умолять остаться, хотела сказать, что он мне нужен: только наедине с ним у меня нет кошмаров. Сегодня мой день рождения, он должен уступить на этот раз и угодить мне! Однако я знала, что никакие уговоры не

заставят Ника задержаться в доме родного отца дольше, чем того требуют приличия.

И я с тоской принялась наблюдать за Ником. Он направился к своему огромному «Рендж Роверу» и уехал, не оглядываясь.

Следующие два дня я почти не выходила на улицу: только, чтобы подышать свежим воздухом. Нужно было вбить в голову кучу информации, казалось, что мозг вот-вот взорвется. Дженна постоянно звонила, чтобы пообсуждать учителей, бойфренда и жизнь в целом. Всякий раз, когда были экзамены, лучшая подруга впадала в истерику, а, кроме того, была ответственной за выпускной. Но Дженна прекрасно понимала, что ей плохо как раз из-за того, что она не может посвящать подготовке к торжеству столько времени, сколько необходимо.

Вечером я должна была встретиться с Ником, предположительно мы собирались сходить в кино, но в пятницу намечался последний экзамен. Я хотела увидеть Николаса больше всего на свете, но знала, что это полностью выведет меня из равновесия, поскольку от одного только его присутствия моментально теряла контроль. Если мы встретимся, я не смогу как следует подготовиться. Я боялась позвонить парню и отказаться, знала, что он разозлится, потому что мы не виделись два дня, хотя и общались по телефону. Вдобавок я была какой-то рассеянной.

Поэтому я решила отправить ему сообщение. Я не хотела слышать его голос и отвлекаться, не хотела начинать спор, поэтому просто нажала «Отправить», быстро отложила мобильник и попыталась забыть о Николасе на двадцать четыре часа. Когда я закончу экзамены, увижу парня и сделаю все, что он захочет, но сейчас нужно приложить сверхусилия и получить максимальный балл.

Два часа спустя я сидела в своей комнате, неухоженная, с отвратительными волосами и ужасным желанием заплакать или, скорее, убить кого-нибудь. В эту секунду дверь бесшумно отворилась.

Я подняла голову. Ник! С взъерошенной шевелюрой, в белой рубашке. Мой любимый.

Дерьмо! Он подготовился к встрече со мной. Я изобразила улыбку и наспех состряпала невинную мордашку.

– Ты красивый.

Ник поднял брови. Он загадочно посмотрел на меня – было трудно понять, что творится в его голове. Он медленно подошел к кровати, не отрывая от меня глаз.

– Ты меня продинамила, – тихо упрекнул он, и я не поняла, то ли он злится, то ли уже смирился.

– Ник... – сказала я, опасаясь его реакции и чувствуя себя виноватой.

– Пойдем, – попросил он сладким голосом. У него был очень странный взгляд, похоже, Ник что-то обдумывал. Удивительно, что он не начал сразу спорить.

Я мечтала поцеловать его. Мне всегда хотелось целовать Ника. Будь моя воля, я бы проводила с ним целые дни и ночи напролет, нежась в его объятиях. Я встала и шагнула к нему. Мои ноги подкашивались.

– Мне кажется, что меня впервые в жизни продинамили, Рыжая, – сказал он и положил руки мне на талию. – Не пойму, как реагировать.

– Извини, – прерывисто ответила я. – Но я нервничаю, Ник, по-моему, я завалю экзамен. Я ничего не знаю, и если не сдам, то не получу аттестат, не поступлю в университет, не смогу заниматься тем, что нравится: у меня не будет образования, и я в конечном итоге буду жить с мамой, понимаешь? Думаю, что...

Его губы заставили меня замолчать. Поцелуй был стремительным и страстным.

– Ты самый занудный человек из всех, кого я знаю, ты не можешь не сдать, – заявил Ник и ласково посмотрел на меня.

– Я завалю, Ник, серьезно, думаю, что получу ноль, правда. Ноль! Я больше не буду любимицей преподавателя Лэма, а ведь у меня были лучшие результаты в классе. Учитель не будет относиться ко мне по-особому, видишь, я...

Я закрыла рот, заметив, что Николас продолжает молча смотреть на меня. Ладно, я ходила вокруг да около, но... Внезапно на его лице появилась озорная улыбка.

– Хочешь, помогу тебе расслабиться?

«Этот взгляд, нет, не смотри на меня так, пожалуйста...

не сейчас, ты безумно красивый в своей рубашке, а я полный отстой».

– Я расслаблена, – солгала я.

– Помочь тебе подготовиться? – Ник убрал прядь волос с моего лица, и я растаяла от нежного жеста.

Николас помогает мне учиться? Это не могло закончиться хорошо.

– Не нужно, – процедила я сквозь зубы. Мне было страшно, что если он останется, мы окончательно завязнем во всем этом, и, хотя Ник был очень хорош, я не могла рисковать.

Он снова соблазнительно улыбнулся. Я замороженно наблюдала, как он делает шаг назад. Ник засучил рукава рубашки, снял туфли, сел на кровать и взял учебник.

Я вздрогнула, представив, как мы лежим на постели, занимаясь совсем другими делами, не имеющими ничего общего с учебой. Ник начал перелистывать страницы, пока не добрался до места, где я оставила закладку.

Я забыла обо всем: об экзаменах, о вступительном испытании в университет. Теперь мне просто хотелось забраться к Нику на колени и провести кончиком языка по его губам.

Я начала приближаться, однако Ник покачал головой и вскинул глаза.

– Стой там, Рыжая, – весело приказал он. – Мы будем учиться, а когда я тебя проверю, может, и поцелую.

– Только один раз?

Он рассмеялся и сосредоточился на параграфе в книге.

– Давай начнем, Рыжая, когда мы закончим, обещаю снять твоё напряжение.

Ник говорил спокойно, но всё моё тело затрепетало и содрогнулось.

Спустя два с половиной часа я выучила всё, что надо, от начала и до конца. Ник оказался хорошим учителем, к моему удивлению, он обладал терпением и объяснял материал простыми словами, будто это была сказка. Я стояла, слушая, как он говорит о гражданской войне, внимательно и по-настоящему заинтересованно, он даже рассказал мне то, чего не было ни в книге, ни в моем конспекте.

Когда я пересказала Николасу тему от корки до корки, он гордо улыбнулся, и его небесно-голубые глаза заискрились желанием.

– Ты получишь десятку, Ноа.

Я широко улыбнулась и бросилась в его объятия. Ник схватил меня в охапку и прижал к себе. Мы бухнулись на кровать, и он страстно поцеловал меня. Я засунула язык ему в рот, и он впился в него, а затем прикусил и пососал губу.

Я застонала, когда его рука спустилась вниз к моим бедрам. Он приподнял мою ногу и обхватил её. Видя его тело так близко, я невольно закатила глаза, сладость и удовольствие унесли меня на седьмое небо.

– Я разозлился, прочитав твоё сообщение, – сказал он, поднимая мою футболку и с восторгом целуя в живот.

Я на миг закрыла глаза и выгнула спину.

– Представляю, – ответила я, глядя на него.

Ник покачал головой: он наблюдал за мной радостно и возбужденно.

– Но мне понравилось учиться с тобой, Рыжая... и я понял, чему еще могу тебя научить.

Сказав это, он снял с меня шорты, и я осталась в трусиках. Теперь его рот находился слишком близко к моему телу, и я не могла быть спокойной.

Я встрепенулась и приподнялась на матрасе.

Рука Ника легла на мой живот, останавливая меня.

– Я обещал тебе поцелуй, Рыжая?

Он смотрел мне прямо в глаза, а я таяла. Когда я поняла, что он имеет в виду, невольно напряглась.

– Ник... не знаю, готова ли я... – Мы никогда не делали ничего подобного, и мне вдруг захотелось вскочить с кровати и убежать.

Николас склонился надо мной, опершись локтями на кровать, и нежно посмотрел на меня.

– Просто расслабься, – сказал он, уткнувшись носом в мою шею и осторожно целуя меня.

Я полуприкрыла глаза и попыталась свернуться клубком под его телом.

– Ты такая милая... – добавил Ник, его губы спускались по моему животу, легко касались кожи, вызывая у меня мурашки.

Когда он добрался до места назначения, то на несколько мгновений замер. Мне показалось дико эротичным видеть его между своих ног, с этим взглядом чистого желания – желания только меня, ни кого-либо другого.

Ник осторожно потянул мои трусики вниз, и мне было так стыдно, что я крепко зажмурилась, соглашаясь, но не зная, понравится мне это или нет, хотя и не собираясь о чем-то еще думать.

Он начал по очереди целовать мои бедра, потом деликатно раздвинул мне ноги, устраиваясь посередине, и я вздрогнула.

То, что было дальше, было хуже, намного хуже, чем я воображала.

– Боже! – воскликнула я, не в силах удержаться от ответных движений.

Он схватил меня за талию, и я вдруг почувствовала, как его поцелуи очерчивают круги на моей коже... Я позволила себе потеряться в его ласках в этот прекрасный момент. Когда я почувствовала, что уже слишком возбуждена, жестом попросила у него передышку.

– Это даже лучше, чем я себе представлял, – признался он, останавливаясь на мгновение и погладив мои бедра. Я взглянула на Ника: он уставился на меня сверкающими глазами. – Хочешь, чтобы я продолжил?

Черт...

– Да... пожалуйста, – выдохнула я. Последнее, что я уви-

дела, прежде чем снова закрыла глаза, как на его лице появилась улыбка. Но я снова увлеклась его ласками, пока они не стали настолько интенсивными, что я вцепилась в покрывало.

Боже! Только что у меня был самый эротический опыт в жизни!

Когда я пришла в себя, Николас уперся подбородком мне в живот и смотрел на меня так, будто нашел сокровище на дне океана.

Я покраснела, а он засмеялся, откатился в сторону и лег на бок. Я накрылась частью сбившегося покрывала, а Ник притянул меня к себе, заключив в объятия.

– Ноа... скажи, почему мы не делали этого раньше.

Я уткнулась лицом в его грудь. Николас не раздевался, но мне не нужно было и смотреть, чтобы понять, насколько у него сильная эрекция.

А должна ли я сделать то же самое?

Я слишком разнервничалась, но Ник чмокнул меня в макушку и встал с кровати.

– Ты куда? – спросила я, когда он зашагал к двери.

– Если я не уйду сейчас, то проведу здесь ночь, – объяснил он чуть дрожащим голосом.

Я схватила штаны, валявшиеся на подушке, и поспешно их надела. Слезла с кровати и подбежала к Нику.

– После пятницы у нас впереди будет целое лето, Ник.

Я любовно его обняла.

Николас сжал меня в ответных объятиях и смиренно вздохнул.

– Если ты не получишь десятку на экзамене, будешь иметь дело со мной.

Я рассмеялась и отстранилась, чтобы понаблюдать за парнем.

– Спасибо... за все, – сказала я и сильно покраснела.

Он нежно погладил меня по щеке.

– Ты – самое прекрасное, что когда-либо случилось со мной в жизни, Рыжая, не благодари меня ни за что.

Я почувствовала, как сердце разрывается от счастья и огромного горя, когда он поцеловал мои волосы и покинул комнату, оставив в одиночестве.

Экзамен прошел идеально. Лучше и быть не могло. Когда я встретила Дженну в коридоре пять минут спустя, мы обе посмотрели друг на друга и начали прыгать как сумасшедшие. Все глазели на нас, кое-кто смеялся, а кто-то крутил пальцем у виска, но мне было все равно...

Учеба в школе закончилась, мне больше не надо напяливать форму, со мной уже не будут обращаться как с ребенком, не нужно показывать конспекты маме и отчитываться перед ней за полученные баллы или нечто подобное. Я была свободна – мы были свободны – и я чувствовала бесконечное счастье.

– Я просто не верю! – закричала Дженна, стискивая меня в объятиях.

Сегодня мы узнали оценки. Мы пошли в школьный кафетерий, и, едва переступив порог, поняли, что одноклассники веселились на всю катушку. Ребята что-то вопили, танцевали, смеялись, хлопали в ладоши – это было безумие, настоящая вечеринка.

Ученики других классов, которые тоже были в кафетерии, смотрели на нас, как на чокнутых, а некоторые – с завистью, ведь большинству оставались годы до выпуска.

– Мы хотим развести костер на пляже и сжечь форму, – сообщил нам какой-то парень и лучезарно улыбнулся. – Вы в деле?

Мы с Дженной переглянулись.

– Конечно! – заорали мы хором, что насмешило нас до истерики: мы выглядели пьяными от эйфории.

Через час, после того как я повеселилась с одноклассниками и погуляла по аудиториям валяя дурака, я вышла из здания. Здесь все же было больше хорошего, чем плохого. Помню, что сначала я ненавидела школу, но, если бы не это учебное заведение, меня бы не приняли в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, и я не смогла бы изучать английскую филологию, как всегда мечтала.

Я проверила мобильник и обнаружила сообщение от Ника. Он писал, что ждет меня на школьной парковке. Через полминуты я бежала к его машине, возле которой стоял Ни-

колас. При виде меня – а я просто сияла от счастья – на его лице появилась обезоруживающая улыбка. Не в силах контролировать блаженство, я бросилась в его объятия. Он обхватил меня обеими руками, и наши губы слились в поцелуе, достойном романтического фильма.

Итак, я окончила школу, получила самые высокие баллы, поступила в университет, учебу в котором смогла себе позволить, у меня был лучший парень в мире (и я его просто обожала), а через два месяца я собиралась переехать в университетский городок. Меня ждало великолепное будущее.

Лучше некуда.

4. Ник

Моя девочка окончила школу. Я не мог не чувствовать себя самым гордым человеком в мире. Ноа не только великолепна, но и невероятно умна. Она лучшая выпускница, любой университет был бы рад ее принять, но она решила поступать в мой, здесь, в Лос-Анджелесе. Не знаю, что бы я делал, если бы она вернулась в Канаду, как планировала раньше.

Я не мог дождаться, когда она переедет в мой пентхаус, я еще не сказал, но хотел, чтобы Ноа жила со мной. Мне надоело терпеть проклятые ограничения, которые родители не переставали навязывать нам, как только мы начали встречаться. После похищения Ноа ее мать стала совершенно параноидальной, и не только она – и мой отец тоже. В общем, родители стали демонстрировать, насколько они не в восторге от наших отношений. Позже напряжение немного приутихло, и теперь, когда я больше не жил в родном доме, я думал, что все окончательно наладится, но почему-то произошло обратное.

Они даже не позволяли Ноа ни приезжать ко мне, ни ночевать у меня. Мы были вынуждены сочинять всякую чушь, чтобы побыть вместе. Мне плевать, что скажет отец или Рафффаэлла, я уже вырос, мне двадцать два года, скоро исполнится двадцать три, я буду делать то, что захочу, но для Ноа си-

туация пока была другой. Я понимал, что пять лет разницы могут привести к проблемам в будущем, но никогда не думал, что это вызовет столько гребаной головной боли.

Но сейчас не время думать о грустном: мы были на празднике. Я собирался отвезти Ноа на пляж, где ее одноклассники разожгли костер. Не то чтобы мне особенно нравилась такая затея, но, по крайней мере, мы бы провели некоторое время вместе. На следующий день Ноа будет занята приготовлениями к выпускному, а ее мама хотела поужинать с дочерью после церемонии, так что либо мы должны встретиться сегодня, либо нам придется снова как-то выкручиваться. Да, звучит эгоистично, но последние несколько месяцев выдались сложными, а я не хотел терять ни минуты. Ее запарки в школе, мои деловые поездки в Сан-Франциско, загоны родителей – все это привело к тому, что я не провел с Ноа и половины того времени, которое хотел разделить с ней, поэтому нужно было воспользоваться шансом.

Поездка на пляж получилась приятной, Ноа была в восторге и не переставала болтать все двадцать минут, которые нам потребовались, чтобы прибыть к океану. Иногда меня забавляла ее манера размахивать руками, когда девушка была чем-то возбуждена: в такие моменты ее ладошки, казалось, имели собственную жизнь.

Я припарковал машину настолько близко, насколько позволяла толпа собравшихся. Похоже, здесь были не только ученики школы Ноа, но и все проклятые выпускные классы

Южной Калифорнии.

– Странно, что здесь столько народа, – заметила она, озадаченно глядя на меня.

– Ага... прямо полстраны...

Ноа улыбнулась, игнорируя мой ответ, и повернулась к Дженне, которая бежала в нашу сторону. На ней были шорты и лифчик от бикини, которые прилипли к девушке как вторая кожа.

– Выпьем! – закричала Дженна.

Все парни в полуметре от нас отсалютовали стаканами.

Ноа обняла лучшую подругу и засмеялась. Когда настала моя очередь, я воспользовался ростом и силой, чтобы вырвать стакан из руки Дженны и вылить алкоголь на песок.

– Эй! – возмущенно возразила она.

– Где Лион?

– Он должен быть здесь, – сказал я, широко улыбаясь и игнорируя ее недовольную гримасу.

– Идиот! – прошипела Дженна, а потом стала намеренно игнорировать меня.

Ноа покачала головой и подошла ко мне, обхватив мою шею руками и привстав на цыпочки, чтобы взъерошить мне волосы.

– Ты уверен, что тебе тут не дискомфортно? – спросила она, поглаживая меня по затылку длинными пальчиками.

– Веселись, Рыжая, не волнуйся за меня, – ответил я, наклонил голову и прижал рот к ее пухлым губам. Они были

такими аппетитными, что сводили меня с ума. — Я посмотрю, где Лион. Найди меня, когда заскучаешь.

— Я уже скучаю по тебе, — заявила она, и как раз в этот момент Дженна потянула ее за собой, чтобы оторвать от меня и увести бог знает куда — на какое-то очередное безумие.

Я недоуменно посмотрел на Дженну, но отпустил Ноа: ее одноклассники уже приготовились швырнуть школьную форму в огонь (кстати, костров было несколько). Таков обычай... я еще помнил славный момент, когда делал то же самое.

Я подошел к небольшому костру, возле которого почти не было людей, и стоял, наблюдая за пламенем, засунув руки в карманы. Потом повертел головой, фантазируя обо всем, что хотел сделать этим летом с Ноа, и подумал о восхитительных возможностях, открывающихся в ближайшие месяцы.

Вдруг я заметил Лиона. Он стоял в одиночестве у самого отдаленного костра. Друг держал в руке бутылку пива и смотрел на огонь, как и я несколько секунд назад, однако казался меланхоличным и обеспокоенным. Я направился к нему, чтобы поговорить.

— В чем дело, чувак? — спросил я, похлопав Лиона по спине и взяв бутылку из множества тех, что лежали в коробке у его ног.

— Стараюсь, чтобы время шло быстрее на дурацкой вечеринке выпускников, — ответил Лион и сделал большой глоток пива.

– Решил напиться? Дженна уже достаточно набралась, кому-то придется сесть за руль, так что я бы на твоём месте не налегал, – предупредил я, но Лион проигнорировал меня, снова поднеся бутылку к губам.

– Я не хотел сюда приезжать, с Дженной все усложнилось, – сказал он, глядя вперед.

– Она окончила школу, Лион, не вини девушку за то, что она не понимает, что с тобой происходит. Я вот тоже не понимаю.

Он глубоко вздохнул и бросил бутылку в огонь. Она тут же разбилась.

– В гараже не все гладко, и мне не хочется, чтобы брат, выйдя из тюрьмы, увидел, что я не справляюсь с семейным бизнесом...

– Если тебе нужны деньги...

– Нет, они мне не нужны, Николас, мы уже тысячу раз говорили об этом. Я могу многое исправить, просто кое-что сейчас не ладится, вот и все.

Он совсем приуныл, и я быстро сообразил, что Лион что-то не договаривает.

– Лион, пока ты не ввязался в очередные неприятности...

Он резко поднял голову, и я закрыл рот.

– Раньше ты и сам был горазд попадать в неприятности. Что, черт возьми, с тобой случилось, Николас?

Я уставился на него не моргая.

– А то, что некоторое время назад кое-кто похитил мою

девушку, Лион, и ее тогда чуть не убили.

Ему вроде бы стало стыдно, он прищурился, словно при-
сматривался к чему-то, и достал из заднего кармана джинсов
пачку сигарет.

– Помяни черта... Ноа идет сюда, – объявил Лион и повел
глазами.

Я обернулся и действительно увидел, что Ноа приближа-
ется к нам с широкой улыбкой на лице и развевающимися
на ветру волосами.

Я просиял и, когда она подошла, обнял ее. Ноа чмокнула
меня в грудь, а затем повернулась к моему другу.

– Дженна ищет тебя, – приветливо сообщила она.

– Отлично, – огрызнулся этот придурок.

Ноа лишь фыркнула, а у меня перехватило дыхание.

Больше Лион не проронил ни слова. Он двинулся в сторо-
ну самого большого костра, около которого сгрудилась куча
подростков. Ноа посмотрела мне в глаза.

– С ним что-то не так?

Я покачал головой и поцеловал ее в макушку.

– У парня плохой день, не обращай внимания, – посовето-
вал я, наклоняясь, чтобы поцеловать ее нагретую огнем ще-
ку, а потом уткнулся Ноа в шею. Мои губы жаждали ощутить
ее кожу уже несколько дней, и мне совсем не хотелось пор-
тить ей настроение. – Я люблю тебя, – сказал я, спускаясь к
горлу девушки, смакуя ее атласную кожу и наслаждаясь тем,
как она содрогается от моих ласк.

– Ник, – сказала она через минуту, когда мой рот начал опускаться к изгибу ее груди.

Я отстранился на секунду, восхищенный Ноа. Мы явно вызывали интерес среди выпускников, которые глазели на нас, наверняка желая созерцать красивое эротическое зрелище.

Я выругался и схватил Ноа за руку, чтобы убраться отсюда.

– Давай прогуляемся, – предложил я, отходя от костров и углубляясь в темноту ночи. Наши шаги сопровождал гармоничный шум океана. Не было места лучше, чем это, и мне нравилось чувствовать умиротворение, а не суету глупой вечеринки.

Ноа загадочно молчала, погруженная в свои мысли, и я предпочел не беспокоить ее. Наконец, она повернулась ко мне.

– Можно задать вопрос? – В ее голосе прозвучала нервная нотка.

Я опустил взгляд и лукаво улыбнулся.

– Конечно, Рыжая, – ответил я, останавливаясь у раскидистого дерева, которое росло прямо на пляже. Я сел на песок и притянул Ноа к себе. Теперь я мог смотреть ей в глаза без неудобств, вызываемых собственным ростом. – В чем дело? – спросил я, понимая, что она колеблется.

Она пристально посмотрела на меня и покачала головой.

– Ничего, просто всякие глупости, – ответила она и от-

вернулась. Щеки Ноа густо покраснели, и мое любопытство взяло верх.

– Вовсе не глупости... в чем дело, Рыжая? – настаивал я, с интересом наблюдая за ней.

– Ну... ни в чем, Ник, я серьезно.

– Ты покраснела, как помидор, что только еще больше разжигает мое любопытство. Давай, – уперся я.

Мне не нравилось, что она скрытничает, я хотел знать все, о чем она думает, все, что чувствует. И вообще, стыдиться Ноа абсолютно нечего! Кроме того, я был настолько заинтригован, что не позволил бы ей выйти сухой из воды, так и не разузнав о том, что творится у нее в голове.

Несколько секунд Ноа смотрела на меня в упор, а затем начала играть прядью волос.

– Я подумала... знаешь, в тот день, когда ты... – пробормотала он и снова залилась румянцем.

Я старался не улыбаться. Мы никогда не делали ничего подобного, я хотел медленно, постепенно погружать Ноа в мир секса, терпеливо ожидая, когда она будет готова.

– Когда я начал оральные ласки? – спросил я, наслаждаясь ее реакцией.

– Николас! – воскликнула она, встревоженно озираясь по сторонам, как будто кто-то мог нас услышать.

Боже, Ноа, забудь, я даже не врубился, почему вдруг ляпнул такое! Я взял ее за подбородок и заставил взглянуть на меня.

– Ты моя девушка – и можешь говорить со мной о чем угодно... а как насчет того, что случилось во время празднования твоего дня рождения? – сказал я, пытаюсь успокоить ее, но понимая, что она умрет от стыда, обсуждая «запретные» темы: такое уже случилось. – Тебе не понравилось?

Конечно, Ноа понравилось, мне пришлось зажать ей рот рукой, чтобы заглушить крики. Может, нужно действительно поговорить об этом прямо сейчас? Я сразу возбудился, вспоминая те минуты.

– Да, мне понравилось, но дело в другом, – возразила она, снова глядя в сторону. – А про тот день... Мне стало интересно, хочешь ли ты... ну... чтобы я сделала то же самое для тебя.

Я чуть не захлебнулся собственной слюной.

Ноа решительно посмотрела на меня. Я буквально утонул в ее медовых глазах – глазах, полных стыда и одновременно желания. Да, я видел в них желание, и, боже, я не мог продолжать вести подобные разговоры с Ноа здесь, на пляже, где тусовались люди. Я нервничал, даже просто думая об этом...

– Черт возьми, Ноа, – бросил я, прислонившись к ней лбом, – ты хочешь, чтобы я умер от инфаркта?

Она прыснула со смеху и закатила глаза.

– Я имею в виду, думал ли ты об этом... – ответила она и чуть отодвинулась, чтобы понаблюдать за мной, как я сам делал пару минут назад.

– Ноа, малышка, да любой нормальный парень, который

увидел бы тебя, сразу же подумал бы именно об этом! Разумеется, я не исключение, но если ты не хочешь, то и не нужно. Мы можем подождать...

Ноа нервно прикусила губу.

– Но... как-то несправедливо получается, Ник. Я имею в виду, тебе пришлось пройти через это, а мне...

Я расхохотался.

– Пройти через что? Ты говоришь так, будто это пытка, – сказал я, пытаюсь понять ее. – Ноа... я сделал все с удовольствием и, более того, мечтаю повторить, как только у меня появится возможность.

Глаза Ноа искрились удивлением и возбуждением. Иногда я забывал, насколько невинной она может быть.

– Тогда я сделаю то же самое... – храбро заявила она, хотя я уловил некоторое сомнение в ее голосе.

– Нет, – отказался я, с озорством глядя на нее. – Не стоит, Ноа. То, что я делаю с тобой, не зависит от того, что ты хочешь сделать со мной. И такое не надо делать по очереди, правда. Когда ты почувствуешь желание, тогда и начнешь действовать, а если этот момент никогда не наступит, что ж... я найду себе другую, – пошутил я.

Ноа похлопала меня по руке.

– Я серьезно! – воскликнула она, привлекая мое внимание.

Я пытался сдержать улыбку.

– Знаю, Рыжая, прости, но я прошу тебя: не делай того,

чего не хочешь, ладно? – ответил я, чмокнув ее в нос.

Ноа несколько раз моргнула, а затем отодвинулась и пыталово посмотрела на меня.

– Значит, ты не против?.. Я не говорю, что не хочу, но вот думаю и... кажется, еще не готова.

Именно за это я ее и люблю. Любая девушка без личности уступила бы только ради того, чтобы доставить мне удовольствие. А Ноа не такая: если она в чем-то не вполне уверена, то, что бы я ни предпринимал, дабы убедить ее, она все равно останется верна себе.

– Иди сюда, – сказал я, притягивая ее к груди и целуя, как будто это был наш последний раз. – Я рад, что ты рядом, милая.

Ноа сладко улыбнулась, и через несколько мгновений мы уже страстно целовались.

5. Ноа

Я окончила школу. Не знаю, проходили ли вы через нечто подобное, но само ощущение оказалось просто прекрасным. Конечно, впереди самое трудное, мне все же нужно поступить в университет – и на самом деле осенью предстояла сложная учеба, однако получение аттестата не сравнимо ни с чем. Это шаг к зрелости и независимости, и чувство было настолько приятным, что меня распирало от счастья, когда я ждала своей очереди вместе с одноклассниками.

Нас приглашали в алфавитном порядке, поэтому Дженна должна была получить аттестат после меня. Церемонию организовали идеально. Она проходила в школьном саду, большие элегантные панно разместили повсюду и украсили надписями, посвященными выпускникам две тысячи шестнадцатого года.

Помню выпускные в старой школе. Их устраивали в спортзале, где из украшений имелись только воздушные шары. Здесь же декорировали даже деревья. Стулья, предназначенные для родных и близких, обтянули роскошной зеленой и белоснежной тканью (это цвета нашей школы), ну а мантии, разработанные известным дизайнером-модельером, были тоже зеленого оттенка. Безумие, невероятная трата денег, но со временем я научилась не возмущаться: я жила в окружении миллиардеров, и для них такие траты были в по-

рядке вещей.

– Ноа Морган! – объявили в микрофон.

Я испугалась и, нервничая, поднялась на подиум за аттестатом. С сияющей улыбкой посмотрела на ряды родственников: Ник и мама встали, приветствуя меня, такие же радостные и беззаботные, как и я сама. Мама даже прыгала как девчонка, и на моем лице появилась широкая улыбка. Я пожала директору руку и прошла к остальным одноклассникам.

Девушка, у которой балл был выше моего на две десятых, произнесла прощальную речь в честь выпускников. Это было захватывающе и вдохновляюще – ни у кого не получилось бы лучше. У Дженны, стоявшей рядом со мной, потекли слезы, а я смеялась, пытаюсь сдержать желание заплакать. Несмотря на то, что я проучилась здесь всего год, это был один из лучших периодов в жизни. Когда я окончательно победила свои предрассудки, то получила в этой школе не только великолепную предуниверситетскую подготовку, но и замечательных друзей.

– Поздравляю, выпуск две тысячи шестнадцатого года! Вы свободны! – взволнованно воскликнул учитель, склонившись к микрофону.

Мы разом подбросили в воздух шапочки. Дженна сжала меня в объятиях так сильно, что было трудно дышать.

– А теперь – вечеринка! – крикнула лучшая подруга, хлопая в ладоши как одержимая.

Я расхохоталась, и вскоре всех ребят окружили родственники, спешившие поздравить выпускников. Мы с Дженной ненадолго распрощались и решительно отправились на поиски родителей.

Вдруг кто-то обхватил меня сзади за талию и поднял в воздух.

– Поздравляю, зубрила! – сказал мне на ухо Ник, опуская меня обратно на землю и крепко целуя в щеку.

Я повернулась и положила руки ему на плечи.

– Спасибо! Я пока не верю в это! – призналась я, уткнувшись лицом в его шею.

Ник снова обнял меня.

Прежде чем я успела поцеловать его, появилась мама и, встав между нами, тоже стиснула меня в объятиях.

– С окончанием школы, Ноа! – закричала она прямо как школьница, вскакивая и увлекая меня за собой.

Я в который раз рассмеялась, одновременно наблюдая, как Ник снисходительно покачал головой и по-доброму усмехнулся. Уильям стоял неподалеку: отчим ласково приобнял меня, когда наконец-то пришла его очередь.

– У нас есть сюрприз, – объявил он.

Я с подозрением посмотрела на всех троих.

– Что вы еще задумали? – с улыбкой спросила я.

Ник взял меня за руку и потянул за собой.

– Пойдем, – сказал он, и я последовала за ними по садовой дорожке. Вокруг сновали люди, и нам потребовалось неко-

торое время, чтобы добраться до парковки.

Куда ни посмотри, всюду были автомобили – одни с гигантскими яркими бантами, другие с воздушными шарами, привязанными к зеркалам. Боже мой! Неужто родители могли быть настолько сумасшедшими, чтобы купить крутую тачку восемнадцатилетнему подростку?

Ник закрыл мне глаза ладонью и повел по парковке.

– Что ты делаешь? – спросила я и споткнулась о собственные ноги. Внезапно я ощутила растущую тревогу.

«Нет, не может быть...»

– Сюда, Ник, – раздался голос мамы. Похоже, она тоже разволновалась, причем так сильно, как никогда прежде.

Ник остановился и заставил меня повернуться.

Секунду спустя его ладонь исчезла. Я вытаращила глаза и оцепенела. У меня буквально отвисла челюсть.

– Скажите мне, что красный кабриолет не для меня, – недоверчиво прошептала я.

– Поздравляю! – воскликнули Уильям и мама – она просто сияла.

Ник вручил мне ключи.

– Теперь у тебя никогда не будет оправдания, чтобы не приезжать ко мне, – обрадованно заявил он.

– Вы свихнулись! – завопила я практически в истерике, пытаюсь взять себя в руки.

Черт, они купили мне «Ауди»...

– Боже мой! – я визжала как обезумевшая.

– Тебе нравится? – спросил Уильям.

– Ты шутишь? – сказала я, подпрыгивая. Я была в такой эйфории, что даже не знала, как реагировать.

Я подбежала к маме и Уильяму и сжала их в объятиях, чуть не задушив.

Я действительно хотела новый автомобиль, озвучивала свое желание вслух и пыталась подкоптить. Ведь моя подержанная машина, к сожалению, ломалась уже около пяти раз за последние три месяца, и, в конце концов я потратила столько денег на ремонт, что на эту сумму, пожалуй, можно было купить новую! Однако я даже не думала, что мне подарят «Ауди»!

– Не верится, – призналась я и залезла в автомобиль. Яр-ко-красная «Ауди» была великолепна и блестела на солнце.

Рядом послышались ликующие возгласы: я уже заметила, что оказалась далеко не единственной из выпускников, кому подарили машину. Воздушных шариков здесь было больше, чем в парке развлечений.

– Это «Ауди А пять Кабриолет», – сообщил мне Ник, сядя рядом со мной.

Я покачала головой, до сих пор шокированная.

– Это потрясающе! – выпалила я, вставив ключи и при-слушиваясь к сладкому мурлыканью мотора.

– Ты потрясающая, – поправил меня Ник, и я почувство-вала в груди тепло, которое вознесло меня на седьмое небо.

Я на мгновение потерялась в его взгляде и в собственном

ощущении счастья, которое окутало меня. Маме пришлось дважды позвать меня по имени, чтобы я пришла в себя. Ник тихо рассмеялся.

– Теперь рванем в ресторан? – спросил он, а Уильям, услышав его, улыбнулся сыну.

Мама заказала столик в одном из лучших ресторанов города. После семейного ужина у меня намечался выпускной, который организовали в отеле «Четыре Сезона» в Беверли-Хиллз. Мы не просто заказали лучшие блюда и самый большой зал вместимостью более пятисот человек, но еще и арендовали целых два этажа, чтобы не возвращаться домой и провести здесь целую ночь. Настоящее безумие! Сначала я даже пожаловалась Нику: ведь, несмотря на скидку (отец нашего одноклассника владел отелем), это стоило целое состояние.

– Мой выпускной мы вообще провели на круизном лайнере, домой вернулись только через пять дней, – сказал Ник, когда я сообщила ему, что сильно шокирована этой затеей будущего празднования.

В итоге я решила оставить свое мнение при себе.

Я удовлетворенно кивнула, желая завести чудо-машину, и поудобнее устроилась на сиденье из бежевой кожи. Все было совершенно новым и будоражило меня. Я почувствовала запах новой машины... запах, который до этого момента не ощущала.

Я включила зажигание и покинула парковку, оставив шко-

ду позади... навсегда.

– Ноа, полегче, не так быстро, – заметил Ник – ветер хлестал нас по лицу, отбрасывая назад волосы, и я не могла перестать смеяться.

Солнце садилось. У меня просто дух захватывало от вида окрестностей, автомобили проезжали мимо, закатное небо было окрашено в тысячу цветов – оттенки розового и оранжевого – и на нем уже появлялись первые звезды. Наступил идеальный летний вечер, и я улыбнулась, думая о предстоящих полутора месяцах с Ником, когда будем только мы, ни экзаменов, ни работы, вообще ничего, кроме нас...

У нас есть целых шесть недель, чтобы побыть вместе, а потом я начну учиться и перееду. Я улыбнулась прекрасному будущему, ожидающему меня впереди.

– Черт, не надо было покупать тебе машину, – проворчал Ник. Я посмотрела на него, закатила глаза, и сбавила скорость.

– Доволен, дедуля? – сказала я, протягивая Николасу руку. Я любила быструю езду, и мой парень был в курсе.

– Ты снова превышаешь допустимую скорость, – добавил он, серьезно глядя на меня.

Я проигнорировала замечание, даже не думала снижать до ста... Сто двадцать – отлично! В этот город спешат все.

– Эй, ты ведь не в НАСКАР¹, притормози! – шутливо при-

¹ Имеется в виду *NASCAR* (англ.) – Национальная ассоциация гонок серийных

казал Ник секунду спустя, но улыбка на его напряженном лице, постепенно угасла.

Я изо всех сил старалась не думать об отце, не говоря уже о том роковом дне. Действительно пыталась, но мысли без конца крутились в голове. Во время вручения аттестатов я не могла не испытывать ностальгию: я видела друзей, которых поздравляли счастливые родители. Да, сегодня был по-настоящему особый случай, так что я не переставала размышлять о том, как бы все прошло сейчас, если бы отец не был сумасшедшим... и не умер. Уверена, рядом со мной сидел бы не Ник, а именно папа.

Не сомневаюсь, отец не стал бы настаивать на том, чтобы я сбавила скорость.

Но о чем бы он думал? Отец был алкоголиком, преступником с инстинктами убийцы, он едва меня не убил... Что, черт возьми, происходит? Почему я по нему скучаю? Как я могла продолжать представлять себе ту жизнь, которой никогда не было и никогда не будет?

– Ноа? – Ник окликнул меня.

Невольно замедлилась почти до шестидесяти, машины сигналили и обгоняли меня. Я покачала головой: снова потерялась в себе.

– Со мной все в порядке, – заверила я парня, улыбаясь и пытаясь вернуться в то состояние эйфории, в котором находилась несколько минут назад. Я нажала на газ и проигнори-

ровала боль, от которой ныло сердце.

Нам не потребовалось много времени, чтобы добраться до ресторана. Он тоже был идеален. Я никогда там не бывала и не могла дожидаться, когда сяду за стол, чтобы попробовать еду. Я сказала маме, что мне все равно, где ужинать, лишь бы в меню имелся шоколадный торт: такова была моя главная просьба.

Мама и Уилл могли появиться с минуты на минуту. Я вышла из машины, Ник меня опередил и уже направился в мою сторону. Он был красив – в темных брюках, белой рубашке и сером галстуке. Я будто влюбилась в парня снова, когда увидела Николаса «таким деловым», как я его называла.

Ник обворожительно улыбался (и его улыбка была предназначена мне одной), наблюдая, как я снимаю мантию выпускницы. На мне было светло-розовое платье, ткань облегла тело, как перчатка, глубокий вырез открывал спину.

– Ты потрясающе выглядишь, – сказал Ник, положив руку мне на поясницу и деликатно притягивая к себе.

Даже на каблуках, я была ниже его ростом. Мои глаза остановились на его губах, скользнули по выразительному лицу. До чего же Ник привлекателен! Я отстранилась, изучая его целиком.

– Ты тоже, – ответила я, смеясь и понимая, что ему не нравится, когда я делаю комплименты.

Ник не мог объяснить причину своей неловкости, когда

ему давали понять, насколько он красивый. И это не секрет. Мы пробыли здесь только пару минут, а уже пять женщин обернулись и дерзко пялились на него.

Прежде чем я успела сказать что-либо еще, он прижал меня к груди и поцеловал.

– Сегодня мы проведем ночь вместе, – подтвердила я через секунду.

На мой взгляд, поцелуй длился слишком долго. Когда Ник оторвался от моих губ, то посмотрел на меня с вождением.

– Я подумываю о том, чтобы похитить тебя и отвезти к себе на целое лето, – заявил он.

На мгновение в голове вспыхнула воображаемая картина. Мы вдвоем, живем под одной крышей, но без родителей! Сладостный образ заставил сердце встрепенуться... хотя это было безумие, конечно.

– Я бы не сказала «нет», – игриво ответила я.

– Ты приедешь? – спросил Ник, прижимая меня к капоту.

Я обвила его шею руками и притянула к себе. Он соби-
рался снова поцеловать меня в губы, но отвернулся, ожидая
ответа на вопрос.

Я усмехнулась, желая продолжить игру.

– Я не прочь проводить с тобой ночи голышом... в твоей
постели, – призналась я, поглаживая его волосы.

Ник пожирал меня голодным взглядом. Я соблазняла пар-
ня, что, как я обнаружила, у меня хорошо получалось.

– Не начинай то, что не сможешь закончить, – предупре-

дил он, наклоняясь, чтобы поймать мои губы – я решила откинуть голову назад.

Наши взгляды встретились: мой – лукавый, его – опасный и весьма многообещающий.

Я смежила веки и украдкой наблюдала, как его ресницы затрепетали, а потом прикоснулась губами к потаенному местечку на его шее. И обнаружила, что одно только прикосновение моего рта полностью расслабляет Ника.

Конечно, нельзя просто стоять и ласкать друг друга посреди парковки, когда родители должны вот-вот прибыть, но я так этого хотела...

– Сегодня вечером, – прошептала я, нежно поцеловав Ника в подбородок. Мои губы вновь спустились к его шее, а потом сменили направление, и я скользнула кончиком языка к его уху. – Возьми меня, Ник.

Его рука легла мне на талию, а другая поднялась к затылку, заставив откинуть голову назад еще сильнее.

– Я не должен брать тебя, ведь ты и так моя, – возразил он и со всей силой скопившейся внутри страсти поцеловал меня. Его язык ворвался в мой рот и набросился на него с безудержным безумием, смакуя меня или наказывая, я не очень хорошо понимала за что.

Было удивительно наблюдать за реакцией моего тела. Прикосновения Ника сводили с ума. Все равно, сколько времени прошло, все равно, что накануне мы провели вместе несколько часов. Я никогда не устану от него, никогда не по-

теряю болезненного притяжения, которое, казалось, навеки соединяло нас, как магниты.

Но прежде чем мое тело растаяло, вернее, подверглось самопроизвольному возгоранию, сигнал клаксона заставил нас выпрямиться, резко оттолкнувшись друг от друга.

– Твоя мама, – мрачно сказал Ник.

– Твой отец, – буркнула я.

Они уже смотрели на нас.

Мама вышла из машины и направилась к нам.

– Вы можете контролировать себя? Мы в общественном месте, – упрекнула она, обвиняюще глядя на Ника. Правда, в последнее время она всегда смотрела на него так... Я серьезно собиралась поговорить с ней на эту тему.

Через мгновение появился Уильям.

Взгляд, который он бросил на сына, заставил меня вздрогнуть.

Когда мы вошли в ресторан, я поняла, что мы не единственные, кто выбрал это заведение, дабы отпраздновать выпускной. Несколько одноклассников приветствовали меня, и я радостно улыбнулась каждому. Метрдотель подвел нас к зарезервированному столику на террасе. Рядом был декоративный водоем, на столах сияли свечи, придающие всему особую атмосферу. Наверняка многим людям нравилось ужинать именно здесь, на свежем воздухе. Место было очень уютным, откуда-то доносилась ненавязчивая музыка, и только через несколько минут я обнаружила музыкантов, играю-

щих вживую.

Николас сидел рядом, а напротив разместились родители. Не знаю почему, но я вдруг смутилась. Одно дело завтракать на кухне, и совсем другое – ужинать в таком пафосном месте. Кроме того, Ник уже несколько месяцев не трапезничал вместе с семьей, и теперь, похоже, напряжение сильно возросло.

Но сперва все шло гладко. Мама, как всегда, не могла молчать ни минуты. Мы говорили обо всем: о моей новой машине, об университете, о Нике и его работе, о компании Уильяма, которую, как я полагала, мой парень жаждал когда-нибудь возглавить... И постепенно я начала чувствовать себя комфортно, да и мама пока не обращалась к нам как к паре (последнее могло быть довольно удобным или раздражающим и зависело от того, как она это делает).

Только после десерта, когда я съела большой кусок изысканного шоколадного торта, мама решилась кое-чем поделиться со мной и открыть секрет, который наверняка с трудом хранила в течение долгого времени.

– У меня для тебя еще один сюрприз, – объявила она, когда мы сыто откинулись на спинки стульев.

Я поднесла к губам стакан с водой, довольная и счастливая. Я даже не ожидала, что она скажет секунду спустя.

– Мы с тобой едем в путешествие по Европе на четыре недели!

«Подожди... что?»

6. Ник

Ни за что.

Думаю, что взгляд, который я бросил на эту женщину, был настолько красноречивым, что мой отец на мгновение потерял дар речи. Ноа сглотнула и несколько секунд просто смотрела на меня.

– Мама, ты сошла с ума? – наконец воскликнула Ноа, но мягким, а вовсе не сердитым тоном.

«Зачем она притворяется? Почему, черт возьми, не говорит, что даже во сне не поедет на другой конец света без меня... да еще на месяц?»

– Ты становишься старше и уже собираешься поступать в университет... – начала Раффаэлла, даже не посмотрев на меня. Похоже, она не хотела встречаться со мной взглядом, ведь если бы ее глаза встретились с моими, то губы мачехи тут же перестали бы двигаться, и она бы окаменела от ужаса. – Думаю, это последний шанс сделать что-то вместе, и... знаю, конечно, моя идея не так радует тебя, как меня, н-н-но-о... – Она заплакала.

Я отпил глоток вина, пытаюсь сдержать гнев. Я так крепко стиснул руку Ноа под столом, что, думаю, ее пальцы жутко затекли, но либо это, либо я потеряю самоконтроль и начну выпускать тысячу и одно проклятие вместе с ругательствами, которые так и рвались наружу.

Отец посмотрел на меня и тоже поднес бокал к губам. Это его безумная затея? Он вложил ее в голову жены?

Но о чем, черт возьми, он думал! Разумеется, это он постарался, наверняка именно отец уже оплатил всю поездку.

И моя последняя надежда начала рушиться.

– О да, я хочу поехать, мама! – Ноа кивнула, и ее слова были как пощечина.

Разве я не должен поучаствовать в решении? Что она делает?

Я отпустил ее руку и окончательно разозлился. Хватит, либо я уйду отсюда, либо совершу то, о чем думал. Но я сразу понял, что уходом ничего не исправить – в другой раз я бы устроил сцену, но теперь это не поможет, ведь ко мне вообще не прислушаются... Если я хотел, чтобы нас воспринимали всерьез, я должен был остаться и высказать свое мнение: они не заберут мою девушку на целый месяц.

Когда я отпустил ее руку, Ноа повернулась ко мне. Я пристально взглянул на нее и понял, что она мучается так же, как и я... А это уже кое-что.

Прежде чем Раффаэлла успела что-либо сказать, я прервал ее.

– Тебе не кажется, что сперва, перед оплатой поездки, следовало посоветоваться с нами?

Думаю, что использовал всю силу воли, чтобы сформулировать вопрос таким спокойным тоном, каким только мог.

Раффаэлла прищурилась, и я моментально осознал, что

всякая надежда на то, что она примет меня в качестве бойфренда дочери, пропала. Она не хотела меня для Ноа, и выражение ее лица совершенно ясно давало это понять.

– Николас, Ноа – моя дочка, ей только что исполнилось восемнадцать. Она еще ребенок, и я хочу отдохнуть вместе с ней, неужели ты станешь с этим спорить?

Я открыл было рот, но тут Ноа встала на мою защиту.

– Мама, я не ребенок! – сказала она, откинув назад волосы. – И не разговаривай так с Ником, он мой парень и имеет полное право не радоваться разлуке.

Я с трудом сдерживался, но позволил ей продолжать говорить.

Раффаэлла перевела взгляд на дочь, и у моей мачехи опять увлажнились глаза. Она запросто плакала, и при виде ее мученического лица, меня затошнило.

– Я поеду, мама.

«Что?!»

– Но в следующий раз... либо мы едем вместе, либо я остаюсь здесь, – добавила Ноа, и мои глаза застила красная пелена.

Раффаэлла улыбнулась, и я почувствовал такое раздражение, что резко встал со стула.

Отец посмотрел на меня предупреждающим взглядом.

– Я ухожу, – объявил я, пытаюсь контролировать голос. Я бы с удовольствием ударил кого-нибудь и сжал кулаки.

Ноа встала рядом со мной. Не знаю, хотела ли она присо-

единиться ко мне, я был зол на нее так же, как и на ее мать.

– Николас, сядь, – приказал отец, оглядываясь. Постоянно эта гребаная показуха и всегда разочарованный вздох – таков мой папаша.

Я начал продвигаться к дверям, даже не остановился, чтобы подождать Ноа, мне нужно было убратся отсюда побыстрее.

Когда я вышел из ресторана, то направился прямо к машине, но сообразил, что у меня нет ключей. Это не моя гребаная тачка. Я заскрипел зубами и прислонился к водительской двери.

Ноа тоже покинула ресторан и пыталась догнать меня, но высокие каблуки помешали ей это сделать. Я вытащил из кармана пачку сигарет и закурил. Плевать, что девчонке будет неприятно.

Она подошла ко мне и замерла, ее щеки покраснели, она взглядом искала мои глаза.

Я покосился на людей, которые входили в ресторан.

– Николас...

Я ничего не ответил. Услышал, как она глубоко вздохнула, и отвернулся.

– А что ты хотел, Ник? – спросила она.

Я продолжал молчать. Месяц, месяц без Ноа: все планы, все, что я хотел сделать, было разрушено. А я долго планировал, хотел не разлучаться с ней, путешествовать, заниматься любовью каждый чертов летний день, проводить время в ее

компании и наслаждаться жизнью, но она ни минуты не колебалась, чтобы принять подарок мамочки. Мне было больно, ведь я думал, что она должна посоветоваться со мной, но она так не поступила.

Я искоса посмотрел на нее.

– Дай ключи, я отвезу тебя на вечеринку.

Она просто наблюдала за мной. Я знал, что она хочет поговорить на болезную тему, но каждую секунду злился все сильнее. Ноа отняли у меня, и летом она не будет рядом со мной, ее забрали – пусть даже на месяц! – а я ничего не могу поделать.

Она снова тихонько вздохнула. Порылась в сумочке, отдала ключи и села на пассажирское сиденье.

Лучше так, чем начинать спорить со мной: тогда я точно не могу за себя отвечать.

7. Ноа

Атмосфера настолько накалилась и сгустилась, что воздух можно было резать ножом. Ник был в ярости, я знала это и видела бешенство в его глазах.

Он понимал, что проведет целый месяц без удовольствий, которые мог бы разделить со мной, но разве у парня был выбор? Мама организовала поездку, я не могла отказаться от такого подарка.

Это же все-таки мама! Мы всегда говорили о выпускном, об университете, о том, как будем вместе покупать вещи для комнаты в общежитии, шутили, что отправимся в поездку по Европе и напоследок вместе проведем лето. Когда мы мечтали о будущем, она смеялась и называла меня малышкой. Часть меня желала отправиться в путешествие, я не хотела упустить возможность побыть рядом с женщиной, которая дала мне жизнь и вырастила с любовью и заботой.

Я просто не могла отказаться.

С другой, не менее важной, стороны, все внутри болело от одной мысли о том, что целых четыре недели не увижу Николаса. Я тоже строила планы, хотела провести с ним каждую секунду лета в его пентхаусе, тем более теперь, когда вскоре мне снова предстоит сосредоточиться на учебе, да и деловые поездки Ника в Сан-Франциско будут длиться не две недели, а наверняка дольше.

Я посмотрела на парня. Взгляд Ника был прикован к дороге, побелевшие пальцы яростно вцепились в руль. Мне стало страшно. Я не знала, что творилось у него в голове, я не понимала, что могу сделать или сказать, чтобы он не сердился на меня.

– Не хочешь поговорить? – спросила я, набравшись смелости, но Ник даже не посмотрел на меня, хотя я заметила, как напряглись вены на его шее, когда он крепко сжал челюсть.

– Я стараюсь не испортить тебе вечер, Ноа, – процедил он секунду спустя.

Стараясь, значит?

– Николас, ты не можешь меня винить, я не могла отказаться, это ведь моя мама! – воскликнула я, занервничав еще сильнее.

– А я твой парень! – крикнул он.

Нужно закончить спор, ведь ссора – последнее, чего я хотела сегодняшним вечером.

Ник повернулся ко мне, и я догадалась, что он с трудом сдерживается и хочет высказать мне все.

– Ник, пожалуйста, не ставь меня между молотом и наковальней, не заставляй выбирать между тобой и мамой, – умоляла я, стараясь контролировать голос.

Николас ускорился, и я вцепилась в дверцу автомобиля. Через несколько минут мы приехали к отелю «Четыре Сезона». Здесь уже выстроилась вереница машин: их владель-

цы выходили из салонов. Они сдавали ключи сотрудникам отеля, чтобы те припарковали автомобили. Несколько одноклассников весело болтали друг другом перед входом в отель, улыбки на их лицах вызывали у меня зависть. Моя-то давно исчезла, разнообразив окружение.

Ник затормозил позади чужого «Мерседеса» и посмотрел на меня.

– Если бы мне пришлось выбирать, я бы всегда выбрал тебя, – ледяным тоном заявил он.

Меня словно окатили холодной водой. Я недоверчиво уставилась на Ника, обиженная его тоном, но ощущая себя виноватой. Не хочу выбирать между двумя людьми, которых люблю больше всего на свете! Конечно, я очень любила мать, но это было нечто совершенно другое, отличное от чувств, которые я испытывала к Николасу, – чувств, которые были необъяснимы с точки зрения здравого смысла.

Любовь к нему ранила и причиняла боль, но мне нравилось это чувство, хотя оно пугало своей напряженностью. Я вышла из машины и обнаружила, что Ник все еще сидит на водительском сиденье.

– Т-ты не останешься? – пролепетала я дрожащим голосом, наклонившись к нему. Черт, снова это чувство пренебрежения, зависимости... Я не хотела, чтобы он оставлял меня, он нужен мне, я хотела быть с ним ночью, заниматься любовью со своим парнем.

Он отвел взгляд и начал изучать людей, направляющихся

к дверям отеля.

– Не знаю, мне нужно побыть одному, – проговорил он тоном, который я ненавидела, и напоминал прежнего Николаса.

Внезапно мной овладела ярость. Это нечестно. Как же несправедливо, что он злится на меня за то, к чему я не имела никакого отношения.

– Пошел ты, Николас! Мы планировали эту ночь три с лишним недели, а теперь ты просто так отказываешься! – сердито сказала я, откинув волосы назад и окончательно расшвырнув. – Тогда проваливай отсюда, мне будет гораздо лучше без тебя!

Этот придурок даже не стал ждать, когда я войду в здание отеля. Шины завизжали, и машина умчалась прочь, мгновенно исчезнув из виду. Кстати, это была моя новенькая «Ауди». Надеюсь, он не повредит малышку. Итак... он бросил меня. Мне никак не уехать, если чертова вечеринка мне надоест.

Я направилась к отелю, возле которого тусовалось несколько выпускников. Я увидела одноклассниц, с которыми могла поговорить, но мне не хотелось общаться с ними и притворяться счастливой: ведь в действительности все было совершенно не так.

Я была зла и обижена.

– Эй, Морган!

Я обернулась и посмотрела на улыбающегося Лиона. Мне сразу легче стало. В последний раз, когда я столкнулась с

парнем, он был отстраненным и холодным. Я обрадовалась, что вижу его сияющую улыбку. Дженна стала моей лучшей подругой, которой я могла довериться. С Лионом мы тоже сблизились: он был великолепным – заботливым, добрым, ласковым.

Поначалу мне казалось, что это потому, что он дружил с Николасом, но на самом деле Лион просто был таким. Когда он подошел, чтобы поздороваться со мной, я крепко его обняла.

– Поздравляю с выпускным! – сказал он, отпуская меня.

– Спасибо, – ответила я, улыбаясь.

– Где Ник? – спросил он.

Моя улыбка угасла.

– Уехал. Мы поссорились. – Я стиснула зубы.

К моему удивлению, Лион рассмеялся. Я смерила его взглядом.

– Вряд ли он продержится дольше получаса – он ведь прицепился к тебе как репей... Чувак долго не протянет вдали от тебя, – проговорил Лион, игнорируя мой убийственный взгляд и вынимая из кармана мобильник.

– Нет, пусть не приезжает, не хочу его видеть.

Лион закатил глаза, изучая экран телефона.

– Дженна будет через десять минут, не хочешь составить мне компанию? – любезно предложил он.

Я кивнула. Меня должен сопровождать Николас, но мы крупно повздорили. Вот и пусть катится куда подальше! Он

все пропустил, а я специально подготовилась, купила шикарное нижнее белье в супердорогом бутике, который рекомендовала Дженна, но теперь даже не собираюсь демонстрировать его Нику. Я была так разочарована и расстроена, что, казалось, у меня из ушей валит дым.

Переступив порог отеля, мы очутились во впечатляющем лобби. Здесь собралось множество людей, и я обнаружила, что большинство родителей одноклассников тоже решили посетить вечеринку. Сотрудники, облаченные в униформу, указывали нам, куда идти, так что заблудиться тут было просто невозможно.

Одноклассники оживленно болтали и смеялись, пока мы с Лионом добирались до сада, разбитого в огромном внутреннем дворе.

Боже мой, это было потрясающе! Нам устроили лучший выпускной вечер в истории!

Я осмотрелась по сторонам. Как хорошо, что все пройдет на свежем воздухе! Дюжины столиков с атласно-зелеными скатертями окружали просторный танцпол, причем на столах красовались изысканные цветочные композиции, если я не ошибаюсь, это были белые пионы. Элегантно одетые официанты сновали взад и вперед с подносами, предлагая гостям закуски и бокалы с бог знает какими напитками, поскольку алкоголь выпускникам не полагался.

Я посмотрела на Лиона, который был так же очарован, как и я. Мы не выросли в роскоши, и мы оба, я была уверена,

чувствовали себя неуместными в обществе богатых и знаменитых.

– А эти ребята умеют устраивать вечеринки, – заметил он.

– И не говори, – согласилась я. Все и правда было прекрасно.

Ухоженный сад освещали матово сияющие белые фонари. Я почувствовала легкий цветочный аромат, который незамедлительно подчинил меня, как только я здесь оказалась. Тут не звучала типичная музыка для вечеринок, устраиваемых в честь выпускников, и я лишь изумленно наблюдала, как для нас вживую играл струнный квартет.

– Вот вы где! – воскликнул знакомый голос.

Мы с Лионом обернулись, и я увидела Дженну.

– Здесь столько народа! Что скажете? – затараторила подруга и улыбнулась до ушей. – Ну и как вам, ребята? Эй, вы чего? Боже, вам не нравится!

Дженна была одной из ответственных за вечеринку. Я знала, что она усердно трудилась, организуя выпускной, и правда состояла в том, что она превзошла себя. Не знаю, на что были похожи наши физиономии, раз она считала, что нам не нравится.

– Но что я могу сказать? – ответила я смеясь. – Все просто потрясающе!

Я обняла подругу, невольно ей залюбовавшись. Она была прекрасна. Конечно, она унаследовала свою привлекательность от родителей. Миссис Тавиш, ее мать, в юности полу-

чила титул «Мисс Калифорния», который не только распахнул перед ней тысячу дверей, но и свел с одним из самых богатых людей Америки, сделавшим красотке предложение. Отец Дженны был нефтяным магнатом и едва ли проводил в семейном особняке больше двух дней в месяц, но, по словам моей лучшей подруги, был до сих пор страстно влюблен в супругу... еще бы! Эта женщина любого бы свела с ума.

Дочь унаследовала ее телосложение и рост, хотя личико Дженны было даже смазливее и, конечно, свежее, чем у матери.

– Не могу поверить, что мы окончили школу! – призналась она, восторженно целуя Лиона в губы.

Бойфренд с обожанием посмотрел на девушку и положил руку ей на талию. Дженна прильнула к нему, и они о чем-то зашептались, а через секунду подруга повернулась ко мне и хмуро огляделась.

– Где твой Николас?

Я закатила глаза. У нее что, мания вот так говорить? Николас ведь не мой! Правда заключалась в том, что я не знала, где он сейчас.

– Без понятия, и мне не важно, – ответила я, хотя, разумеется, мне было важно.

Дженна насупилась. Странно, но она всегда защищала Николаса, когда мы ссорились. Ладно, она знала его много лет, но она ведь моя лучшая подруга, значит, должна быть на моей стороне и всегда заступаться за меня.

– Дженна, ты превзошла себя! – сказал Лион, чтобы смелить тему.

Вечеринка была в самом разгаре. Кое-кто, вернее многие выпускники, тайком принесли алкоголь, и менее чем за час почти все присутствующие были пьяны и отплясывали на танцполе, но уже не под живую музыку, а под треки диджея. Я присоединилась к танцующим и вскоре обнаружила, что вокруг собралась целая толпа, состоящая из родственников и друзей одноклассников. Я немного напряглась, когда меня решили взять в тиски несколько парней: они облепили меня так, что буквально терлись об меня.

Я решительно оттолкнула придурков и ушла с танцпола.

Я вспотела и побрела к бару, где подавали напитки совершеннолетним. Выпила залпом несколько шотов... Я не была пьяна, скорее, навеселе.

– Хочешь попробовать? – спросила меня какая-то девушка, когда официант ушел, чтобы принести еще льда.

На стойке красовалось несколько хрустальных стаканчиков с густой темной жидкостью и пластиковыми соломинками, а в ведерке сверкали ледяные кубики.

– Что это? – настороженно спросила я.

Девчонка озорно ухмыльнулась.

– Коктейль «Черный русский».

Если бы она сказала, что он называется «Красный француз», я бы и внимания не обратила. Но такое нельзя пропустить!

– Он с водкой и кофейным ликером со сливками. Многие утверждают, что это афродизиак, – добавила она, подмигнув. Она шутит?

Не хватало еще, чтобы со мной заигрывала девушка! Но поскольку она упомянула про кофе, я напрочь забыла о сексуальной ориентации и взяла стаканчик с коктейлем. Поднесла трубочку ко рту и попробовала.

– Боже, как вкусно! – воскликнула я.

Девушка засмеялась.

Водка почти не чувствовалась и не обжигала горло. Я будто бы пила вкусный молочный коктейль с кофейной добавкой.

Я внимательно посмотрела на девчонку. Ее внешность ни о чем не говорила, наверняка она была чьей-то приятельницей или родственницей. У нее были черные волосы, собранные в высокий хвост.

Я продолжала смаковать напиток, который только что стал моим любимым коктейлем. Дженна танцевала с Лионом, и, не осознавая этого, я осушила содержимое еще двух стаканчиков и завела разговор с Девушкой-молочным-коктейлем, которую на самом деле звали Дана. Она была очень милой и либо слишком подвыпившей, либо просто беспечной. Я оказалась так увлечена, смеясь над ее шутками, что совсем не ожидала ее натиска: она внезапно схватила меня за затылок и присосалась к моим губам.

Это произошло быстро и неожиданно – мне потребова-

лось некоторое время, чтобы оттолкнуть ее.

– Ты чего? – спросила я, испытав легкую тошноту.

Она расхохоталась.

– Я хотела попробовать водку с твоих губ, – ответила Дана как ни в чем не бывало.

Ситуация стала настолько сюрреалистичной, что я на мгновение потеряла дар речи.

– У меня есть парень, – заявила я через несколько секунд, а может, минут, точно не знаю... Думаю, алкоголь ударил мне в голову. Я только что целовалась с девушкой?

– Просто комарик укусил, успокойся, – ответила она, отвлекаясь на что-то позади меня.

По спине пробежала дрожь. Ник?

Я почувствовала его присутствие еще до того, как повернулась, чтобы узнать, не ошиблась ли я. Да, Николас был здесь, его ясные глаза сразу пронзили меня насквозь. Он уверенно направился ко мне.

– Тебе лучше уйти, – поспешно посоветовала я Дане. Внезапно я испугалась за ее жизнь.

Она опять рассмеялась, взяла стаканчик с коктейлем и унеслась на танцпол. Я потеряла ее из виду, как только Ник уселся рядом со мной.

– Перешла на девчонок? – спокойно сказал он, делая вид, что ничего не случилось.

Я не позволю этому парню себя запугать!

– Кто знает? – раздраженно огрызнулась я. Между прочим

я жутко злилась на него. Он бросил меня на выпускном, я чувствовала себя жутко одинокой. Меня окружали люди, с которыми мне не хотелось быть, кроме того, они целовали меня без моего согласия.

– Что пьешь? – спросил Ник, выхватывая стаканчик из моих рук.

Я думала, он поставит коктейль на стойку, однако Ник выдул его одним махом. Внезапно, несмотря на сильный гнев, я почувствовала, что очень хочу попробовать напиток с его губ, как сказала та девчонка.

Я хотела попробовать коктейль «Русский» из его рта...

– Ты знаешь, сколько тут алкоголя? – выпалил Ник, водрузив пустой стаканчик на стойку.

Я наблюдала за Николасом, стараясь понять, в каком он настроении... он был зол, но в его взгляде таилось что-то еще.

– Думаю, достаточно: будь я трезвой, уже давно послала бы тебя к черту.

Он склонил голову набок и промолчал. Мое тело напряглось. Мы были так близко друг от друга!

Вдруг Ник резко встал и, не касаясь меня, положил одну руку на стойку, а другую завел мне за спину, таким образом зажав в объятиях.

Внезапно мне не хватило воздуха. Небесно-голубые глаза Ника буравили мое лицо.

– У тебя нет причин злиться, Ноа, – сказал он очень се-

рьезно. – Ты уезжаешь в Европу, но страдаю я.

– А я повторяю, это была не моя идея, – ответила я, пристально глядя на него.

Ник глубоко вздохнул и отошел, освободив от объятий.

– Полагаю, это тупик, – заявил он, нацепив на лицо покерфейс.

В глубине души я знала, что у него есть причины злиться, но мой гнев продолжал возрастать. Я не хотела успокаиваться, не хотела сочувствовать... Может, именно потому, что я тоже была недовольна ситуацией. Путешествие в Европу вместе с мамой не входило в мои планы, я была расстроена и огорчена тем, что не проведу летний месяц с Ником.

На самом деле я даже рассердилась на мать, но рядом находился Ник, а мне нужно было излить накопившееся раздражение.

– Может, тебе не стоило возвращаться? Ты вроде бы не хотел портить мне вечер, но теперь делаешь именно это.

Ник недоуменно поднял брови.

– Хочешь, чтобы я ушел?

Я увидела проблеск разочарования в его потрясающих глазах?

– Конечно, я не собираюсь тусоваться с тобой и о чем-то спорить.

Ник внимательно наблюдал за мной.

– Думаю, сегодня ты переборщила с алкоголем, умница.

Я слезла с высокого табурета и окинула Ника презритель-

ным взглядом. Чувствуя себя сильной, но зная, что я веду себя как ребенок, наполнила стакан пуншем, который уже заприметила на стойке, и выпила залпом.

Я поперхнулась, из глаз чуть не потекли слезы, но, думаю, оно того стоило – я увидела, как на шее Ника вздулась вена. Парень явно встревожился.

– Ты ведешь себя по-идиотски, а отвозить тебя домой придется мне.

Я пожала плечами и куда-то поплелась. Я решила найти своих друзей, но сначала мне захотелось немного потанцевать. В какой-то момент я уронила стакан и намочила чьи-то ноги, но мне, похоже, было все равно.

Дженна присоединилась ко мне через некоторое время, и мы принялись танцевать. Когда от прыжков меня затошнило, я заставила себя остановиться. Мои глаза начали искать Николаса.

Я знала, что Ник не ушел, более того, он следил за мной на протяжении всего шоу, которое я устроила. Это была не та реакция, которую он ожидал, но, по крайней мере, мы не поругались.

В какой-то момент я опасно качнулась в сторону, и чья-то рука обхватила меня за талию. Сильная, мускулистая, прекрасная... Ник.

Я обернулась и провела ладонями по его затылку.

– Вижу, ты все еще здесь, – пробормотала я, уставившись на его губы.

– А я вижу, что ты еле держишься на ногах. Если твоя цель состоит в том, чтобы трахнуть мне мозг, ты это сделала. Поздравляю.

Я рассмеялась, услышав «трахнуть»...

– Я не хотела, но насчет траха... могу сделать все, что ты хочешь...

Ник уже не смеялся. Похоже, он решал, как поступить.

Я провела пальцами по его волосам, зарывшись в густые пряди на затылке. Нику нравилось, когда его так ласкают. Однако он схватил меня за запястья и заставил остановиться.

– Позволь мне проводить тебя наверх, Ноа, – сказал он и крепко сжал челюсти.

Я огляделась. Некоторые одноклассники, наверное, разбежались по забронированным номерам.

– Ладно... там и повеселимся, – согласилась я с улыбкой.

Ник тяжело выдохнул и вывел меня из сада.

– Никакого веселья не предвидится, – тихо сказал он, но я его прекрасно расслышала.

Он сдерживал себя, потому что рядом находились люди?
Черт!

8. Ник

Мы покинули сад, где устроили вечеринку, и, поскольку я уже взял карточку-ключ, то повел Ноа прямо в номер отеля.

Когда мы вошли в комнату, то сначала просто стояли, глядя друг на друга. Мы не знали, что делать, не представляли, что сказать. Я не понимал, продолжать мне злиться или страстно поцеловать ее. Ноа, казалось, размышляла о том же.

– Значит, развлекаться не будем? – спросила она, и ее руки ловко оттянули молнию на платье, которое тотчас упало на пол.

Она осталась в одном нижнем белье и туфлях. Я посмотрел на бюстгальтер и трусики Ноа... такого я никогда не видел, поэтому просто сглотнул.

Она слегка пошатнулась, и я в два шага пересек разделявшее нас пространство. Обнял ее за талию и проводил в ванную комнату.

Ноа склонилась над раковиной.

– Ты пьяна, Ноа.

Она пожала плечами.

– Не настолько, чтобы не понять... ты привел меня сюда, чтобы наказать за будущую поездку в Европу.

Я нахмурился.

– Напротив, сегодня вечером страдаю я, Рыжая, а не наоборот.

– А я знаю столько всего... можно многое сделать, чтобы не наказывать друг друга.

Я улыбнулся, не в силах сдержаться. Она стояла полуголая, ослепительная и с разбуряившимися от алкоголя щеками, поэтому я больше не мог терпеть, взял ее лицо в свои ладони и поцеловал.

Это был поцелуй без языка, игра губ – и ничего больше, игра, которая как раз и нужна лишь для того, чтобы не потерять голову.

Когда ее пальцы начали расстегивать мою рубашку, я отстранился.

– Думаю, сначала тебе следует принять холодный душ... Ноа покачала головой.

– Нет, мне совсем не жарко, я в порядке, – сказала она и потянулась ко мне.

Мы снова поцеловались, на этот раз более интенсивно. Мои руки скользнули по ее обнаженной спине и расстегнули лифчик. Я застыл, наблюдая за ней. Я видел россыпь ее веснушек: они были на груди и на плечах.

Я расцеловал их все по очереди и уже приблизился к мочке уха. Схватил ее губами и сосал, как конфету.

Ноа вздрогнула от моего прикосновения, и я повернулся, чтобы посмотреть ей в глаза.

– Не хочу, чтобы ты уезжала, – признался я. Я взял Ноа на руки и вышел из ванной комнаты, ее ноги крепко вцепились в мои бедра, и я почувствовал, как напряглись все мои

мышцы.

Ноа ничего не ответила и опять поцеловала меня. Я положил ее на кровать и склонился над ней, чтобы не навалиться и не раздавить. Потом начал целовать подбородок, шею и наконец добрался до ключицы.

Ноа извивалась подо мной, ища точку, которая успокоила бы нас обоих. Я откатился в сторону и снова принялся за ней наблюдать. Ее дыхание учащалось, а грудь ритмично опускалась и поднималась.

– Я мог бы провести всю ночь, глядя на тебя, – сказал я, опираясь на правую руку. Другой рукой нежно гладил ее бедро, коснулся плоского живота, затем поднялся выше и сжал ее левую грудь.

– Ник, продолжай, – попросила она с закрытыми глазами и возбужденно заерзала под моей ладонью.

– Хочу видеть, как твоя кожа краснеет от каждой моей ласки, Ноа.

Медовые глаза открылись и впились в мои.

– Но...

Я поцеловал ее, моя рука опустилась и замерла на ее трусиках.

– Я не хочу, чтобы ты уезжала в Европу, – серьезно сказал я, просовывая пальцы под тонкую ткань.

Она скривилась и закрыла глаза.

Я начал играть пальцами, и мое тело сразу же напряглось. Я смотрел на лицо Ноа. Не знаю, что мне нравилось больше:

видеть, как она реагирует на мои ласки и кусает губу, или слышать нежные вздохи удовольствия.

Я не мог пробыть без нее месяц, я бы не выдержал. Мне нравилось видеть, как она наслаждается. Одного раза с тех пор, как я приехал из Сан-Франциско, недостаточно для нас обоих, а мысль о том, что она покинет меня на четыре недели, заставила меня показать ей, как сильно она будет скучать по мне.

– Ну что, едешь? – спросил я ей на ухо, ускоряя ритм ласк.

– Да... – ответила она, заставив меня разозлиться.

– Уверена? – настаивал я, и движения моей руки становились все интенсивнее.

Я знал, что ничего не добьюсь, и остановился в самый разгар.

Ее глаза распахнулись, как будто она не понимала, что сейчас произошло. Зрачки расширились от желания, а рот приоткрылся в ожидании крика удовольствия, которое так и не наступило.

Я больше не мог смотреть на нее, зажмурился и упал на спину. У меня болело все тело, мне было плохо. Меня охватила ярость, которую я не мог даже объяснить.

– Почему ты остановился? – обвинила она в недоумении.

Как объяснить ей, что со мной? Как дать понять, что если она уедет, то я буду жить в аду?

Я ничего не сказал. Ноа положила голову мне на плечо. Погладила по рубашке.

– Не хочу, чтобы дурацкое путешествие стало проблемой, Ник, – шепнула она.

Я провел рукой по лицу и, наконец, взглянул на нее, не произнося ни слова.

– Если это так важно для тебя, я поговорю с мамой, мы можем...

– Нет, – резко прервал я. – Просто дай мне время, чтобы разобраться. Я так сильно люблю тебя, но ситуацию вряд ли изменишь. Я злюсь... и очень сильно.

Ноа задумчиво прикусила губу, и я увидел, что она тоже совсем не рада... Она наклонилась и чмокнула меня в щеку.

– Я люблю тебя, Ник. А ты любишь меня? – спросила она, ожидая ответа.

– Я люблю тебя больше, чем себя, – признался я, не отводя от Ноа взгляда и поглаживая ее голую спину.

– Это сложно, – ответила она, по-девичьи улыбаясь.

– Ты такая милая, – сказал я, вставая и потянув ее за собой.

Я заключил ее в объятия и медленно целовал, смакуя каждое мгновение, а пальцы Ноа погрузились в мои волосы.

– Ты устала? – спросил я, зарываясь ртом в ее шею.

– Закончи то, что начал, – прошептала она.

Я нуждался в ней еще с тех пор, как мы поссорились в машине, хотел, чтобы она заставила меня почувствовать, что я единственный, кого она любила... единственный, кого желала.

– Хочешь, чтобы я занялся с тобой любовью, Рыжая? – спросил я, улыбаясь.

Ноа, покрасневшись, сняла с меня рубашку, и желание сверкнуло в ее медовых глазах. Она поцеловала меня прямо в грудь, а затем в шею. Я напрягся, когда ее язык погладил мою челюсть. Спустя секунду я приподнял ее руки над головой, и она прикусила мое ухо.

Ноа выгнулась и потянулась. Ее губы искали мой рот, и я с удовольствием подставил его под поцелуй. Нежными движениями ввел язык, подаваясь бедрами вперед.

– Я люблю тебя, Ник, – сказала она, откинув голову назад, а моя рука скользнула по ее телу.

– Я люблю тебя.

Так мы провели ночь... делая то единственное, что никогда не доставляло нам никаких проблем.

9. Ноа

Яркий утренний свет разбудил меня. Мы не закрыли плотные шторы и наслаждались привилегированным панорамным видом на особняки Беверли-Хиллз. Вдалеке виднелись небоскребы, стремившиеся в небо и окруженные малоэтажками.

Рука Николаса крепко прижимала меня к груди, наши ноги переплелись. Я едва могла дышать, но мне нравилось, я любила спать с ним: это были мои лучшие ночи.

Уже несколько недель я не могла нормально заснуть и постоянно просыпалась от кошмаров.

Я аккуратно повернулась на бок, вытащила из сумки футболку и надела ее (сумку с нашими вещами заранее доставили в номер). Ник был восхитителен, такой безмятежный, веки сладко закрыты... Он выглядел юным, лежа вот так, рядом со мной. Хотела бы я знать, что творится у него в голове. Например, что ему снится прямо сейчас? Я осторожно подняла руку и погладила левую бровь парня, стараясь не разбудить. Он так крепко спал, что даже не пошевелился. Я провела пальцами по скулам Николаса, потом спустилась к подбородку. Как он мог быть настолько красивым?

И вдруг меня посетила совершенно неожиданная мысль: какими будут наши дети?

Знаю, это сумасшествие, пройдут годы, прежде чем мы

создадим семью, но образ маленького мальчика с черными волосами уже стоял перед внутренним взором. Он точно окажется неотразим, с генетикой Ника любой ребенок будет... Кстати, как будущий отец будет вести себя с сыном или дочкой?

Единственным ребенком, которого Ник терпел и опекал, являлась его младшая сводная сестренка, он частенько был груб с детьми на пляже или в ресторане. В любом случае до этого еще очень далеко, к тому же есть большая вероятность, что я вообще не смогу родить из-за осколков стекла, ранивших меня много лет назад. Эта мысль огорчила меня, но, к счастью, в ту же секунду Ник приоткрыл сонные глаза и посмотрел на меня.

Я улыбнулась.

– Привет, красавчик, – поприветствовала я Николаса, но он нахмурился и зевнул.

Таков мой парень. Ник без хмурого взгляда не был бы Ником.

Он протянул руку и с силой потащил к себе.

– Чем занималась, Рыжая? – сказал он, зарываясь головой мне в шею и щекоча горячим дыханием.

– Восхищалась тем, какой ты невероятно красивый.

Он зарычал.

– Ради бога, не называй меня красивым! Что угодно, но не это! – умолял он, подняв голову.

Я рассмеялась, глядя на его выражение лица – прямо как

у злобного подростка с взъерошенными волосами.

– Смеешься надо мной?

Его сумрачный взгляд отвлек меня: внезапно Ник набросился на меня и начал щекотать.

– Нет, нет, нет! – закричала я, смеясь и корчась в его руках. – Николас!

Он фыркнул, но я тотчас кинулась на него, пальцем уколола его твердый живот и ударила так, что Ник упал с кровати.

– Боже! – воскликнула я и истерически расхохоталась. Ох, из-за приступа смеха у меня заслезились глаза и заболели мышцы!

Ник встал и схватил меня за ногу, я едва не грохнулась на пол, но он поймал меня, взял на руки, взвалил на плечо, как мешок, и направился в ванную комнату.

– Сейчас я тебе покажу, – пригрозил он, включая воду в душевой кабине.

– Прости, прости! – восклицала я, продолжая смеяться.

Николасу было все равно: он сунул меня под холодную струю. Футболка прилипла к телу, как вторая кожа.

– Ай, вода ледяная! – крикнула я, отшатнувшись от струи и задрожав. – Николас! – упрекнула я парня.

Ник передвинул рукоятку, и полилась теплая вода.

– Тише! Теперь, когда ты уже поприкалывалась и повеселилась, настала моя очередь, – объявил он, хватая приклеенную к телу футболку и стаскивая с меня.

Я стояла перед ним обнаженная.

Глаза Ника пробежали по изгибам моего тела.

– Думаю, это лучший способ просыпаться по утрам, – сказал он, наклонившись и впившись ртом в мои губы.

Через полчаса я уже укуталась в полотенце и с распущенными волосами сидела на террасе. Николас заказывал завтрак по телефону. Если честно, было очень странно, что в отеле царила тишина: я думала, что не смогу уснуть, вслушиваясь в крики пьяных выпускников, но ошибалась, а может, здесь оказалась идеальная звукоизоляция.

Я повернулась к Нику, когда он закончил говорить. Его волосы тоже были влажными. Он не надел футболку, спортивные штаны спускались с талии, открывая полоску темных волос, идущих от пупка вниз. Боже, тело парня просто потрясло воображение! Я залюбовалась его кубиками на животе и идеально проработанными косыми мышцами пресса. Как, черт возьми, он так накачался? Да, он посещал спортзал и занимался серфингом, но мускулистое тело Николаса было шедевром из какого-то другого мира.

– Рассматриваешь меня? – иронически спросил Ник и сел рядом со мной.

Я почувствовала, что краснею.

– Что-то случилось? – сказала я, стараясь не обращать внимания, как лучи солнца отразились в его небесно-голубых глазах как раз в этот самый момент.

Николас одарил меня обворожительной улыбкой.

– Я тоже хочу на тебя поглядеть, иди сюда, – попросил он, потянув меня за руку и заставив забраться к нему на колени.

Под полотенцем у меня ничего не было, и, когда я раздвинула ноги, чтобы сесть, оно едва не соскользнуло с моих бедер.

– Под ним ничего нет? – спросил Ник тоном, который менее чем за секунду перешел от удивления к упреку.

Я закатила глаза.

– Мы здесь одни, Николас, – раздраженно буркнула я.

Он огляделся: мы действительно были одни и могли наслаждаться захватывающим видом на город.

– Может, прямо сейчас, какой-нибудь извращенец глазеет на нас в бинокль, – сказал Ник, удерживая полотенце, в которое я была завернута.

Но за нами, конечно, никто не наблюдал. Ник явно преувеличивал.

– Тебе же хуже. Сейчас оденусь, – заметила я, встав и направившись в комнату.

Я посмотрела в зеркало на свое отражение. Неужели человек способен так быстро меняться? Еще вчера я злилась и грустила, а сегодня меня не узнать. Думаю, дело в любви, в этих американских горках эмоций и смешанных чувств: сейчас ты на вершине, а через минуту уже ползаешь по земле и даже не понимаешь, как там очутился.

Я наклонилась над сумкой с вещами. Почему-то меня раз-

веселило, что наша одежда лежала рядом. Глупо, конечно, но мне нравилось видеть собственное платье рядом с футболкой Ника «Марк Джейкобс»².

Я надела платье. Оно было очень простым: темно-синим с яркими цветами. Его купила мама, которая наверняка потратила кучу денег.

Когда я начала наносить макияж в ванной комнате, то сильно удивилась, заметив кое-что новенькое на своей коже. Да, так и есть: приподняв волосы и внимательно посмотрев на шею, я обнаружила два засоса.

В ярости выбежала из ванной.

– Николас! – закричала я.

Он разговаривал по мобильнику. Наконец-то нам принесли завтрак, и Ник поглощал еду. Он сидел за столом на террасе как ни в чем не бывало и спокойно с кем-то беседовал по телефону.

Но его взгляд был устремлен на меня.

– Подожди, – сказал он в мобильник.

Я указала на шею и часть ключицы. На физиономии Ника промелькнула ухмылка. Я разозлилась и бросила в него подушку.

Он вскинул руку, чтобы прикрыться, одновременно выругавшись.

– Я тебе перезвоню, – сказал Ник и дал отбой. – Что, черт

² «Marc Jacobs» – бренд американского модельера Марка Джейкобса. (Прим. пер.)

возьми, с тобой, Рыжая?

Я ненавидела засосы и терпеть не могла любые следы и отметины на коже. Это связано с плохими воспоминаниями из прошлого.

– Ты ведь знаешь, что меня тошнит от засосов, Николас Лейстер, – заявила я, пытаюсь контролировать голос.

Он встал, осторожно подошел ко мне и поправил прядь моих волос, чтобы осмотреть засосы.

– Извини, Рыжая, – коротко ответил он.

Я закатила глаза.

– Да, конечно, – выдавила я и отвела его руку, когда Ник начал поглаживать меня. – Я же говорила тебе, что не люблю отметины, я не корова.

Он рассмеялся, и у меня появилось желание врезать ему.

– Эй, нам вчера уже хватило драки, давай устроим праздник спокойствия, – предложил он, заключив меня в объятия.

Я стояла неподвижно, как столб, но затем его пальцы скользнули к моему затылку и оттянули волосы назад. Я была вынуждена посмотреть на Николаса.

– Если ты меня простишь, я сделаю все, что ты захочешь, – сказал он.

– Что? – недоверчиво уточнила я.

Глаза парня потемнели.

– Все, что захочешь, Рыжая, серьезно. Просто скажи, и я твой.

Я знала, о чем думает этот извращенный ум. И улыбну-

лась, наслаждаясь ситуацией и чувствуя себя сильной.

– Хорошо, – согласилась я, обвивая его шею руками. – А я действительно хочу, чтобы ты кое-что сделал.

10. Ник

– Ни за что, – решительно сказал я.

Мы припарковались перед приютом для животных.

– Ты сказал, что сделаешь все, что я пожелаю, – ответила, выходя из машины, моя сумасшедшая подруга, причем настолько взволнованно, словно ей было пять лет.

– Я имел в виду секс.

Ноа рассмеялась, как будто я предлагал что-то небывалое.

– Знаю, – подтвердила она. – Но ведь решать мне, а не тебе, поэтому ты купишь котенка.

Черт, опять этот бред про кота! Я ненавижу кошек, они глупые, их ничему нельзя научить, они целый день лежат на коленях у хозяев и требуют ласки. Уж лучше собаку! Вот дерьмо! Собаку я бы оставил в доме отца: в пентхаусе нельзя содержать крупных животных.

– Я уже тысячу раз говорил, что в моем пентхаусе не будет гребаной кошки.

Ноа устремила на меня яростный взгляд, взмахнула волосами, и пока она не начала свою непрекращающуюся болтовню, я поймал ее, притиснул к груди и закрыл ей рот ладонью.

– Я не собираюсь покупать кота. Точка.

Ее язык начал облизывать мою руку, чтобы я освободил ее, и я сжал Ноа сбоку. Это напомнило мне утро. Мы оба умели адски щекотать.

Я отпустил Ноа, но она уже потеряла самообладание.

– Николас! – взвизгнула она, покрасневшись.

Я поднял брови в ожидании того, что она скажет. Ноа была так очаровательна в своем платье... Я бы сорвал его прямо сейчас, но сдержался.

– Ты меня обслюнявила, – обвинил я девушку, вытирая пальцы о брюки.

Она проигнорировала замечание и впилась в меня кошачьими глазами.

– Ладно, Ник, если не хочешь покупать котенка, я куплю его сама, – заявила она, развернулась и зашагала к приюту, совмещенному с магазином.

Я смотрел ей вслед: такое зрелище – ад для любого мужчины.

Я раздраженно последовал за ней, запах животных и экскрементов ударил в ноздри. Топанье хомяков и мяуканье раздражали мои уши, мне пришлось взять себя в руки, чтобы не убраться из этого жуткого места, захватив с собой Ноа.

Не обращая на меня никакого внимания, она повернулась к сотруднику за стойкой. Парень был молод, наверняка ее возраста, и при виде Ноа глаза мальчишки загорелись.

– Чем могу помочь?

Ноа секунду смотрела на меня и, сообразив, что я ничего не намерен делать, резко повернулась к парню.

– Я хочу взять кота, – решительно ответила она.

Я подошел к ней. Служащий выбрался из-за стойки и ши-

роко улыбнулся, желая впарить хорошенькой клиентке все на свете.

– Сюда, – сказал он, указывая на коридор. – Накануне мы подобрали несколько котят с парковки, их бросили, малышам не больше трех недель.

– О-о-о! – Бесконечный жалостливый возглас сорвался с губ Ноа.

Я боролся с желанием убраться из приюта, пока этот придурак вел нас туда, где стояло множество клеток с кошками всех цветов и размеров. Некоторые спали, другие играли или по-дурацки мяукали.

– Вот они, – объявил парень, ткнув пальцев в самую дальнюю клетку.

Ноа ахнула и кинулась к решетке, словно нашла волшебное сокровище.

– Они такие крохотные! – прокомментировал сотрудник с интонацией тетушки, которая сюсюкает с щенком или младенцем.

Я посмотрел на четырех грязных котят, ползающих по одеялу. Три серых с белыми пятнами на лапах и голове, четвертый – совершенно черный. Мне сразу стало плохо.

– Посмотрите, как они играют, – продолжал парень голосом тетушки.

Я смерил его мрачным взглядом и подошел поближе к Ноа.

– Можно какого-нибудь погладить? – спросила Ноа, ис-

пользуя все свои женские уловки.

Я хотел вытащить ее отсюда немедленно.

– Конечно, выбирайте.

Почему бы и нет? Как думаете, какого выбрала Ноа?

Черного, конечно.

– Он самый спокойный из всех, даже не дрался со своими братьями и сестрами с тех пор, как мы его привезли.

Я уставился на котят: они как по команде принялись кидаться друг на друга и отвешивать оплеухи кому попало. Черного беднягу явно сильно затравили.

Ноа поднесла котенка к груди и стала ласкать, как ребенка. Как только чертов звереныш замурлыкал, я понял, что уже ничего не смогу поделать.

Я глубоко вздохнул.

– О, смотри, Ник! – сказала она, нежно глядя на меня медовыми глазами.

Котенок был уродливым, черным, шерсть торчала в разные стороны, но я знал, что Ноа не будет выбирать самого симпатичного или игривого: она предпочтет аутсайдера, на которого давно махнули рукой, которого никто не хотел... Он чем-то напоминал меня.

– Ладно, можешь забрать проклятого кота, – уступил я.

Ноа просияла.

Парень повел нас к стойке, и мне пришлось подписать кучу бумаг, в которых я пообещал позаботиться о найденныше, поставить ему все прививки и прочую чушь. Ноа направи-

лась к полкам, заваленным товарами, и вернулась, нагруженная всякой всячиной для безымянного животного.

– Ты собираешься это купить? – съязвил я. Мне было плевать на деньги, я просто хотел испортить ей настроение.

– Ты сказал, что сделаешь все, что я захочу, – напомнила она, положив на прилавок ошейник, миски для еды и пушистую лежанку синего цвета.

Демонический кот наблюдал на Ноа из клетки-переноски, которую нам отдали для транспортировки.

– Надеюсь, ему будет хорошо, и он вам понравится, – пожелал парень, глядя только на Ноа. – Не забудьте обратиться к ветеринару через пару недель – он уже достигнет возраста кастрации и вакцинации.

Мне стало совсем жаль бедное животное.

Через некоторое время мы ехали ко мне домой. Наконец-то я смогу побыть с Ноа наедине и предложить ей то, о чем думал уже несколько месяцев.

Я повернулся, чтобы посмотреть на нее и невольно расплылся в улыбке. Она была как моя младшая сестренка, которая возилась с новой куклой.

– Как его назовешь? – спросил я, съезжая с автострады и сворачивая к кварталу, где я жил.

– Хм... пока не знаю, – ответила она, осторожно поглаживая Безымянного.

– Только не Нала или Симба³, пожалуйста, никаких дурацких имен, – попросил я, паркуясь. Затем вышел из машины и открыл Ноа дверь.

Она даже не смотрела на меня, увлеченная зверенышем. Я бросил взгляд на котенка, который отнял у меня главную роль.

– Думаю, я назову его Н, – объявила Ноа, когда мы поднимались в лифте.

– Н? – повторил я с недоверием. Боже, она свихнулась!

Ноа обиженно посмотрела на меня.

– Н, в честь тебя и меня, Ник и Ноа, – уточнила она.

Я рассмеялся.

– Похоже, тебе в голову ударил утренний кофе.

Она проигнорировала меня. Через полминуты мы вошли в пентхаус.

Наконец-то дома. Это единственное место, где я чувствую себя спокойно, кроме того, мне нравилось, что Ноа здесь принадлежала только мне.

– Тебе надо позаботиться о нем, когда я уеду, – заявила она, опустив звереныша на пол посреди гостиной и наблюдая, как тот исследует комнату.

– Даже не мечтай. Твоя кошка – твоя ответственность, –

³ Отсылка к диснеевскому полнометражному мультфильму «Король Лев» (1994). Режиссеры – Роджер Аллерс, Роб Минкофф. Симба – имя постепенно взрослеющего львенка, главного героя мультфильма. Нала – подруга Симбы. (Здесь и далее все примечания без пометы о том, чьи они, принадлежат редактору.)

сказал я, швырнув сумку в угол.

Ноа серьезно посмотрела на меня, и я притянул ее к себе, пока мы снова не начали спорить.

– Только ты заставляешь меня уступать в таких вещах, – прошептал я, наклоняясь, чтобы поцеловать ее шею.

Ноа откинула голову, чтобы мне было удобнее. Ее бархатистая кожа была мягкой и пахла так хорошо... Были видны засосы, которые я сам же оставил... Мне очень нравилось видеть следы моих поцелуев, но я никогда не признаюсь в этом вслух: ведь тогда проблем точно не оберешься.

– А если я скажу, что мне по душе другая идея, Ник? Пусть котенок будет общим. – Она отпустила меня, и я отстранился, чтобы посмотреть ей в лицо. Ноа пожала плечами, словно чувствуя себя виноватой. – Он будет нашим малышом, теперь мы его родители.

Я лишь вздохнул, услышав ее слова. За фразой скрывалось что-то гораздо более глубокое, нечто, преследовавшее Ноа уже много лет. Нечто, заставлявшее мою кровь кипеть в жилах.

Я нежно поцеловал ее в губы.

– Хорошо, я позабочусь о К, – согласился я, взяв ее за руку и пытаясь смягчить ситуацию.

Ноа отвесила мне подзатыльник.

– Его зовут Н!

Я расхохотался и усадил Ноа на стол.

– Мне нужно с тобой кое о чем поговорить, – неожиданно

нервным тоном признался я.

Ноа с любопытством посмотрела на меня.

Черт, я не имел ни малейшего представления, какова будет ее реакция.

– Я хочу, чтобы ты переехала ко мне, когда поступишь в университет.

11. Ноа

– Правда?

Переехать к нему? Все во взгляде Ника говорило о серьезности намерений: он по-настоящему этого хотел.

Николас обхватил мое лицо ладонями.

– Пожалуйста, скажи «да».

Это уж слишком, я не могла поставить себя в такое положение. Я слезла со стола и принялась расхаживать по комнате.

– Николас, мне восемнадцать, – начала я. Он стоял, хмуро глядя на меня. – Восемнадцать, – повторила я на тот случай, если он не понял. Я чувствовала, как внутри меня растет тревога. Это чувство, что мы не на равных и парню нужно больше, чем я могу дать, безумно пугало меня.

– Ты более зрелая, чем любая девушка моего возраста, ты ведь даже не ощущаешь себя на восемнадцать, Ноа. Не обращай внимания на всякие глупости, это смешно. Если бы ты жила здесь, мы бы не расставались, – сказал он, присев на стол и скрестив руки на груди. – Ты не хочешь жить со мной. Не хочешь? – выпалил Ник секунду спустя.

Ох... как объяснить, что дело совсем не в желаниях? Как сказать, что я боюсь сделать этот шаг? Я еще так молода... Мне было страшно. А если Ник узнает обо всех моих странностях, проблемах из прошлого, вдруг он устанет от меня и

еще хуже – бросит?

– Конечно, хочу. – Я кивнула, с опаской приближаясь к нему, а Ник наблюдал за мной с высоты своего роста, не двигая ни единым мускулом. – Я боюсь, что мы испортим то, что имеем сейчас, причем очень быстро.

Николас покачал головой.

– Чепуха! Ноа, послушай, уже поздно об этом рассуждать, мы и так летим со скоростью света, ты ведь в курсе? Ты знаешь меня и прекрасно понимаешь, что я никогда бы не пошел на такое ни с кем, кроме тебя, и если я так решил, то подумал, что это правильно. Наша жизнь касается только нас, а я не могу быть далеко от тебя... как и ты... Нам нельзя разлучаться, Рыжая.

Я вздохнула, пытаюсь успокоиться. Жить с Николасом... это как прекрасный сон, видеть его каждый день, чувствовать себя защищенной круглые сутки напролет, любить его днем и ночью.

– К сожалению, я вряд ли смогу стать той, кого ты нарисовал в своем воображении, – призналась я дрожащим голосом.

Николас протянул руку, чтобы погладить меня по щеке. Его глаза внимательно и восхищенно смотрели на мое испуганное лицо.

– Хочу видеть тебя, когда просыпаюсь, – проговорил он, проводя пальцем по моей нижней губе. – Хочу целовать эти губы перед сном, – продолжал он хриплым голосом. – Чув-

ствовать тебя рядом каждый раз, когда ложусь в кровать. Засыпать с твоих объятий. Смотреть на тебя, пока ты еще не проснулась, заботиться каждую минуту дня.

Я подняла глаза и поняла, что каждое слово исходит прямо из его сердца. Он был серьезен, он любил меня, ему нравилось, что я нахожусь рядом.

Я чувствовала, как сердцебиение учащается, как что-то внутри меня воспаляется от счастья, тает. Неужели я настолько сильно люблю Ника? Каким образом он получил от меня так много, а меня даже не затруднило дать ему все это?

– Да. Я буду жить с тобой, – заверила я парня, не веря своим словам.

Он просиял.

– Повтори, – попросил он, отрываясь от стола и нежно взяв меня за подбородок.

– Я буду жить с тобой, мы будем жить вместе.

Больше никаких кошмаров, никаких страхов – рядом с Ником я бы постепенно пришла в себя, с ним я бы все преодолела. Он обнял меня и страстно поцеловал, я чувствовала его улыбку, я делала его счастливым и знала это.

Я любила его.

– Боже, как я тебя люблю! – воскликнул он, прижимая меня к груди.

Я обняла его в ответ и рассмеялась, увидев через его плечо, как Н смотрит на нас: маленький, черный, с такими яркими глазами. Мы бы жили втроем, Ник, Н и я.

К сожалению, следующие несколько дней пролетели мгновенно. Мама даже не догадывалась, что я перееду к Никку, когда вернусь из путешествия по Европе, я и не думала рассказывать ей, пока это не станет необходимо. Николас пребывал в очень хорошем настроении, которое постепенно угасало, поскольку он целиком и полностью осознал, что меня не будет почти целый месяц.

Ник обстоятельно отнесся к моему будущему переезду, опустошил половину шкафа и комода, чтобы у меня имелось место для одежды, которую я уже тайком приносила к нему. Пентхаус из слишком мужественного (по моему мнению) стал более легкомысленным. Мы купили цветные подушки, и я заставила парня сменить темные простыни в спальне на белые и куда более уютные.

Николас был в восторге. Такие перемены для него – это словно покрасить пол в розовый цвет, но пока я находилась рядом, ему было все равно. Я притащила в пентхаус несколько моих любимых книг, а мама, похоже, ничего не заметила.

Жара полностью захватила город, можно было забыть о свитерах и брюках. Ник водил меня на пляж почти каждый день, мы купались в океане. Он безуспешно пытался заставить меня научиться серфингу...

Однако, наконец, наступило то утро, когда нам с мамой предстояло начать путешествие, которое должно было продолжаться до середины августа.

Боже, неужто я смогу так долго быть в разлуке с Ником!

Мы были в моей комнате. Открытый чемодан лежал на кровати, Николас сидел в кресле у стола, играл с Н и намеренно не обращал на меня внимания. Теперь он злился, не хотел ничего слышать ни о поездке, ни о том, что с ней связано, но через пару часов нужно было ехать в аэропорт, поэтому парень взял себя в руки.

Я перекладывала вещи в чемодане с места на место, даже не понимая, что делаю, и так раз пять. В конце концов я спрятала паспорт в надежное место (я его уже теряла и обнаружила три дня назад в пентхаусе Ника). Сам Николас угрожал привязать меня к кровати, даже не кормить Н, если я не останусь. Я игнорировала каждую его попытку саботировать поездку, мне тоже было нелегко, может, даже тяжелее.

– Я только предупреждаю тебя, что жара в Испании адская, кроме того, ты не любишь морепродукты, поэтому забудь о ней. Эйфелева башня явно переоценена... Как только поднимешься, сразу спросишь себя: «И это все?» И от Англии тоже не ждите ничего хорошего, погода ужасная, люди – слишком серьезные и скучные...

– У тебя целый список заготовлен? – отрезала я, теряя самообладание. Подошла к нему и забрала Н из его рук. Ник купил для котенка глупую игрушку, которая сводила малыша с ума: у парня было уже около дюжины царапин.

Я повернулась к Николасу спиной, но он схватил меня и заставил сесть к нему на колени – вместе с Н.

Ник сурово посмотрел на меня, словно обдумывая, озвучить ли ему вслух мысли, которые крутились у него в голове.

– Не уезжай, – бросил он.

Я закатила глаза. Только не начинай.

– Давай, Н, взять его! – приказала я котенку, подхватив меховой комочек и подняв перед лицом парня.

Ник нахмурился. «Лучше веди себя хорошо, котенок, мы же не хотим, чтобы этот псих выбросил тебя из окна». Я пригнула Н и поцеловала в пушистую головку.

Николас напряженно наблюдал за мной.

– Теперь ты игнорируешь меня?

– Я десять тысяч раз отвечала на один и тот же вопрос, поэтому теперь игнорирую, – сказала я, устремив на него грозный взгляд. Боже, как я буду скучать по этим небесным глазам, по сильным рукам, по мускулистому телу, по Нику целиком... – Не люблю повторять одно и то же.

Он выгнул бровь, явно расстроенный моим ответом.

– Оставь чертова кота и посмотри на меня, – велел он, выхватив Н и поставив его на пол.

Я сердито посмотрела на Ника, готовясь к ссоре.

– Просто хочу сказать, не делай глупостей, не выкидывай фокусов, – предупредил он, крепко держа меня за бедра, как будто именно так мог заставить остаться. – Не напивайся и не разговаривай с незнакомцами.

– Ты слышишь себя? – Я высвободилась, встала и отвернулась. Почему Ник жутко ревнивый? Почему ему кажется,

что он должен все контролировать? Терпеть этого не могу. Он мне не доверяет?

Я начала возиться с вещами в чемодане, попыталась быстро застегнуть молнию... черт, не закрывается! На Ника я даже не смотрела, но вдруг почувствовала его руку на своей ладони.

Он с силой потянул за молнию и вздохнул.

– Буду по тебе скучать, Рыжая.

Я вскинула глаза: он был очень подавлен.

– Что мне делать без тебя? – растерянно спросил он.

Я выровняла дыхание, чтобы успокоиться. Обхватила его лицо, приподнялась на цыпочках и посмотрела на Николаса в упор.

– Я вернусь, Ник. Не успеешь оглянуться, и будем только мы, я сразу сюда перееду, – пообещала я, надеясь, что это поднимет ему настроение.

Его ладони начали нежно ласкать меня, спускаясь к моей талии. Значит, он все же изменил отношение к поездке?

– Я люблю тебя, Рыжая, и не хочу, чтобы с тобой случилось нечто плохое. Мне больно – я не могу заботиться о тебе, ведь тебя не будет рядом.

Внутри меня разливались волны тепла. Я уже безумно скучала по нему.

Я поцеловала Ника в губы.

– Я тоже тебя люблю – и буду в полном порядке...

Его глаза ясно давали понять, что этих слов недостаточ-

но, и путешествие станет реальной проверкой наших отношений. Не знаю, что произойдет в такой долгой разлуке.

12. Ник

Я отвез их в аэропорт. Отец попрощался дома, он торопился на работу. Печально было проводить свои последние часы с Ноа вот так, когда Раффаэлла прислушивалась к нам, устроившись на заднем сиденье, но мне пришлось проглотить и это.

Теперь я не мог говорить с Ноа начистоту здесь, в машине. Мне совсем не нравилась поездка, я уже успел много раз высказать Ноа свое мнение, но ничего не мог поделать.

Я покосился на девушку: она молчала и о чем-то задумалась. Она настояла на том, чтобы взять с собой чертова котенка, и сейчас рассеянно гладила его, глядя в окно. Я взял Ноа за руку и подвел ее ладошку к рычагу переключения передач. И вдруг почувствовал пустоту в груди. Мне совершенно не понравилось это ощущение. Черт, практически месяц, почти бесконечность! С каких пор я стал настолько зависимым?

Это невозможно! Я сходил с ума от мысли, что не увижу ее несколько недель. Я хотел как-то успокоиться. Нам предстояло серьезное испытание, и я не представлял, как мы справимся. Я снова посмотрел на Ноа, и она улыбнулась, хотя я и заметил печаль в ее глазах.

Я оглянулся. На лице мачехи появилась широкая улыбка, она явно была довольна. Почему для нее не является про-

блемой быть вдали от мужа? Я не понимал и бессознательно еще крепче сжал руку Ноа.

Когда мы прибыли в аэропорт Лос-Анджелеса, я припарковался и достал чемоданы. Раффаэлла искала тележку. Ноа бросилась ко мне и поцеловала в губы.

– Что ты делаешь? – спросил я, стараясь казаться собранным, хотя это было не так.

– Целую тебя, пока мама не вернулась, – ответила она.

То есть пока мамочка была рядом, она не хотела меня целовать?

Я промолчал, зная, что буду целовать Ноа столько, сколько захочу – и где захочу.

Через полчаса мы уже сдали багаж, Раффаэлла настаивала на том, что надо попрощаться. До вылета оставался целый час, но эта женщина, похоже, сгорала от нетерпения и не хотела ждать ни секунды.

– Мама, ты иди, а мне нужно побыть с Николасом наедине, – сказала Ноа.

Вместо ответа Раффаэлла нахмурилась.

Она посмотрела на меня, потом на Ноа и, наконец, на кофточку, причем настолько сердито, что во мне проснулся родительский инстинкт.

Это наш кот.

Наконец, она попрощалась со мной и ушла, оставив нас наедине.

Я погладил Ноа по плечу и притянул к себе. Чмокнул в

макушку, и мы медленно побрели к паспортному контролю.

– Нам не следует сильно грустить, Ник, – призналась она.

Я пристально посмотрел на нее. А ведь она права! Мы не должны быть такими унылыми, это же только месяц... наверняка есть пары, которые не видятся целый год. Не хотелось, чтобы Ноа тосковала, не хотелось видеть, как она страдает, тем более из-за поездки, которая должна сделать ее счастливой. Я упрекнул себя в том, что был резок. Если бы я поддержал затею с путешествием с самого начала, вероятно, теперь не был бы настолько потерян – и не ощущал бы такую безнадежность.

– Не надо, Рыжая, – сказал я и обнял ее. Н раздраженно мяукнул, сжавшись между нами. – В Испании очень тепло, а Эйфелева башня прекрасна, она тебе точно будет по вкусу, – заверил я, и на ее лице появилась робкая улыбка. – Мы увидимся через несколько недель. Когда ты вернешься, я буду ждать тебя вместе с черной бестией, – добавил я, указывая на Н.

– Пожалуйста, позаботься о нем, Николас, не забывай кормить и больше не давай ему вина, ради бога! – взволнованно попросила она.

– Это было только раз, и Н понравилось, – возразил я, ссызвив.

Она закатила глаза и прижала котенка к груди.

– Не урони, – сказала Ноа, отдавая мне звереныша.

Я схватил котенка одной рукой, а другой взял Ноа за под-

бородок и приблизил губы к ее рту.

– Я люблю тебя, – прошептал я, целуя Ноа последний раз в этом месяце.

На ее глазах выступили слезы.

– Я люблю тебя больше.

Я смотрел, как она уходит, и чувствовал комок в горле. У меня скрутило живот. Ее длинные волосы собраны в высокий хвост, бедра обтянуты шортами... Она сведет с ума всех парней, что встретятся у нее на пути. Я судорожно вздохнул. Теперь были только Н и я.

Как только я вошел в пентхаус, меня накрыло. Я оставил котенка делать все, что ему заблагорассудится, и с тоской осматривал гостиную. Я понятия не имел, что буду делать целых четыре недели без Ноа, знал только, что жизнь изменилась невообразимым образом, и даже не мог вспомнить, каково быть совсем одному.

Это словно смотреть сквозь мутное стекло: жизнь до и после Ноа Морган.

Пентхаус был безупречен. Ноа не являлась чистюлей, но за день до отъезда стала немного истеричной и прибрала все, что лежало не на месте. Она наводила порядок только тогда, когда на нее накатывал настоящий стресс, за последнее время я в этом убедился.

Я психовал, понимая, что между нами тысячи миль. Сейчас ее борт наверняка приближался к Нью-Йорку, а оттуда

Ноа и ее мать направляются в Италию. Я никогда не боялся полетов, трудно даже вспомнить, сколько я налетал! Но теперь, когда любимая девушка была там, наверху... мне было страшно, воображение рисовало чудовищные картины, а в голове крутились плохие мысли.

Например, что самолет сломается и упадет посреди океана или случится теракт... и так до бесконечности. Я никак не мог усмирить страх, который поселился в моей душе и стеснил грудь.

Пять часов спустя телефонный звонок разбудил меня от тревожного сна, в который я погрузился, даже не осознавая, что отключаюсь. Я не понимал, где нахожусь.

– Ник? – сказал голос Ноа.

– Вы прилетели? – спросил я, пытаюсь сосредоточиться.

– Да, мы в аэропорту. Он огромный, мне очень жаль, что я не могу посетить город, а там наверняка потрясающе.

Ноа казалась довольной, и это меня немного взбодрило, хотя я уже истосковался по ней.

– Подарите мне Нью-Йорк⁴, – сказал я.

Ноа рассмеялась.

– Что? – спросила она, и я услышал шум в телефоне. Я представил аэропорт: мужчин в деловых костюмах и с портфелями, прибывающих в город, который никогда не спит, матерей с плачущими, раздраженными детьми... а вот зале

⁴ Отсылка к одноименной пьесе-монологу современного испанского драматурга и сценариста Марка Эхеа.

звучит женский голос, говорящий из динамиков и обращающийся к опоздавшим, что они вот-вот пропустят рейс...

– Я хочу показать тебе Нью-Йорк, я это имел в виду, – поспешил уточнить я, встав с дивана и направившись в кухню.

– Обещай, что мы вместе туда поедem, Ник, зимой, когда выпадет снег, – возбужденно воскликнула Ноа.

Я улыбнулся как идиот, представив себя с Ноа в Нью-Йорке. Мы будем гулять по улицам и перекусывать в кафе... Мы бы выпили горячего шоколада, и я бы отвез ее к Эмпайр-стейт-билдинг, и как только мы окажемся наверху, я бы целовал ее до обморока.

– Обещаю, дорогая, – прошептал я.

Кто-то издалека позвал Ноа. Очевидно, ее мать.

– Ник, мне пора, – поспешно бросила она. – Позвоню тебе, когда мы будем в Италии. Я люблю тебя!

Прежде чем я успел ответить, она уже дала отбой.

Ноа благополучно прибыла в Италию. Мы поговорили буквально несколько секунд, по ее словам, если бы мы продолжили, это стоило бы целое состояние. Я хотел сказать, чтобы она не беспокоилась о счете за телефон, но Рыжая настаивала, что позже мы пообщаемся по «Скайпу», когда она подключится к сети отеля. Проблема заключалась в том, что разница во времени была огромной, поэтому, когда я спал, у нее был день и наоборот.

Время шло, и звонки по «Скайпу» превратились в короткие отбивки о том, чем мы занимались накануне. Я был из-

мотан, когда Ноа была на связи, поэтому мы не разговаривали дольше пяти минут. Как все-таки ужасно быть настолько далеко от нее! Я не мог прикоснуться к ней, не мог болтать часами, но я пообещал себе не портить Ноа каникулы. Поэтому я всегда говорил с ней веселым голосом, даже если в душе и проклинал тот день, когда отпустил ее.

Я тратил большую часть времени на то, чтобы ходить в спортзал и заниматься серфингом, а по выходным навещал мою младшую сестру Мэдисон. В субботу, через неделю после того, как Ноа покинула меня, я завел машину и рванул прямо в Вегас. Лион присоединился ко мне, и, поскольку мы не виделись несколько дней, я был рад, что он рядом. Мэдди знала моего лучшего друга, и они очень хорошо ладили между собой.

– Не знаю, как ты собираешься продержаться еще три недели без Ноа, – заметил Лион, когда мы ехали по шоссе.

Наступил вечер, поэтому я решил, что увижусь с Мэдди утром. Мы уже забронировали номер в отеле «Цезарь»: да, я собирался повидаться с шестилетней сестренкой, однако мы с Лионом захотели повеселиться – наведаться в казино и пропустить пару коктейлей... Мы ведь в Вегасе!

Я смерил его взглядом, когда он напомнил мне о мучительном времени, которое ждало меня впереди.

– Ну что тебе еще сказать? – добавил Лион, поднимая руки. – Позавчера Дженна отправилась в дурацкий круиз вместе с родителями, я уже на стенку лезу, а впереди еще пять

дней.

Она впервые уехала отдыхать без Лиона. В прошлом году мы все неплохо потусовались на Багамских островах, и, к слову сказать, Дженна навещала родителей в Хэмптонсе только по выходным. Похоже, сейчас предки сговорились и украли наших подруг.

– Не могу дождаться, когда Ноа переедет ко мне. Когда это случится, глупости закончатся, и мачеха будет более серьезно смотреть на наши отношения, – сказал я, крепко сжимая руль. В Лос-Анджелесе было три часа дня, поэтому Ноа, вероятно, спала. Как бы я хотел оказаться в постели вместе с ней!

Лион загадочно промолчал, и я с любопытством покосился на него.

– Что с тобой? – спросил я, видя, что настроение парня совсем ухудшилось. Да уж, мы не могли друг друга подбодрить.

Он уставился в окно.

– Я бы тоже был не прочь жить с Дженной, ну... знаешь, в каком-нибудь нормальном месте, а не в той дерьмовой хибаре, в которой обитаю, – заметил он наконец.

Я был искренне удивлен. С тех пор как мы познакомились, больше пяти лет назад, я никогда не слышал, чтобы Лион вот так жаловался или ныл. Мы из совершенно разных миров: у меня есть банковский счет, а в фирме я зарабатываю очень хорошие деньги. Мне никогда не приходилось беспокоиться

о насущных вопросах, меня воспитывали в роскоши, я вырос, имея сразу все, однако осознавал, как трудно что-либо получить, если у тебя нет отца-миллионера, готового предоставить тебе любые блага.

Когда я переехал к Лиону, то понял, что не все падает с неба, а люди могут жить по-настоящему плохо и экономить, чтобы найти деньги хотя бы на еду. Друг вкалывал в мастерской, доставшейся ему от отца. Он не мог рассчитывать на родного брата, ведь тот уже дважды отправлялся в тюрьму, поэтому Лион взял на себя ответственность за все и платил за жилье и за мастерскую.

Я участвовал в автогонках, боях, в чем угодно, поскольку, помимо того, что мне это нравилось, я помогал Лиону. Мы были как братья, хотя порой различие между нами становилось очевидным.

– Ты же знаешь, что Дженне плевать, где ты живешь, Лион, – сказал я, ощутив тревогу. Лион не должен проходить через все это, он не должен так думать. В мире нет никого более достойного нормального спокойного существования, чем он. Кроме того, Дженна никогда не являлась для парня обузой: разумеется, у девушки имелся счет в банке. Когда ей исполнится двадцать один, она сможет использовать капитал, как ей вздумается. Боже, ведь ее отец нефтяной магнат...

– Мне все равно. Думаешь, я не в курсе, к чему она привыкла? – упрекнул меня Лион, повышая тон. – Я не способен

дать даже половины из того, что ей нужно.

– Не все в жизни измеряется деньгами, – сказал я.

Лион расхохотался.

– Заявил богатенький мальчик.

Да, он перегнул палку, и в любой другой раз я бы послал парня к черту, но понимал, что сейчас Лион откровенен как никогда. Друга что-то сильно угнетало и тревожило.

Я не ответил, и он умолк. Мы продолжили путь в тишине, слушая музыку, и не остановились даже, чтобы перекусить.

По прибытии наше настроение изменилось: невозможно было не чувствовать влияния атмосферы Лас-Вегаса и людей, приехавших просаживать свои деньги в казино. «Цезарь» был впечатляющим отелем, напоминающим город, с бутиками лучших брендов модной одежды... Девчонки здесь сходили с ума. Это, конечно, не Италия, однако стоящее место, нужно признать. Наш номер находился в западном крыле. «Цезарь» оказался огромным, нам понадобилось изрядное количество времени, чтобы добраться до комнаты.

– Что будешь делать? – спросил Лион, выходя на террасу и закуривая сигарету.

– Давай выпьем, – ответил я. Мне не хотелось признаваться, но всякий раз, когда я собирался к Мэдисон, мое настроение немного портилось, мне жутко не нравилось, что сестренка живет так далеко от меня, я не мог этого выносить.

Мы спустились в лобби и заглянули в один из баров отеля, тот, который располагался рядом с казино. Лион хоро-

шо играл в карты, и я был уверен, что он захочет проверить свои навыки, прежде чем мы опять поднимемся в номер. Уже стемнело, поездка утомила меня, но несколько порций выдержанного рома постепенно утомили мою нервозность, и настроение снова улучшилось.

– Хочешь сыграть? – спросил Лион через полчаса, когда мы оба были уже порядком навеселе.

– Иди ты, а я лучше останусь, – ответил я, доставая мобильник и проверяя, нет ли сообщений от Ноа.

Незадолго до этого я послал Ноа наполовину шутивное сообщение с вопросом, нужно ли отправить особенное послание, чтобы она вспомнила обо мне. Мы не разговаривали почти два дня, если я не ошибаюсь, она должна была уже прилететь в Лондон.

Ноа ответила мне.

Хранить что-то в своем сердце, чтобы помнить тебя, было бы признанием, что я могу тебя забыть.

Я закатил глаза и отправил ей новое сообщение.

Может, еще процитируешь Шекспира, чтобы поболтать со мной? Как тебе такая идея?

Через секунду на экране появились три точки. Ноа печатала. У меня внутри разлилось тепло, которое я чувствовал только тогда, когда дело касалось Рыжей.

Я здесь только два часа, но уже впитала всю культуру этой страны, и если тебе не нравятся мои романтические сообщения, я перестану их отправлять, дурак.

Послание сопровождала куча сердитых смайликов. Я усмехнулся и начал набирать ответ.

Я дам тебе кое-что более ценное, чем романтические сообщения, когда ты вернешься из поездки. Ни один мертвый писатель не понадобится. Мы с тобой сами – поэзия и любовь.

Я и понятия не имел, как прожить без Ноа еще несколько недель.

Наутро я встал пораньше и принял душ, пытаюсь хорошо выглядеть при встрече с сестренкой. Я заберу ее, привезу сюда и вместе с Лионом решу, что делать.

Наконец я покинул туристическую зону этого сумасшедшего города и вскоре добрался до богатенького района, где жила моя мать. Вылез из машины и надел солнцезащитные очки, сожалея о выпитом накануне алкоголе. Я совсем расклеился, а ведь мне следовало держать себя в руках и быть уверенным в том, что жизнь не подкинет мне никаких неприятных сюрпризов, поэтому, когда я увидел женщину, которая держала Мэдди за руку и направлялась ко мне, пришлось несколько раз глубоко вздохнуть и напомнить себе о главном.

Мэдисон – шестилетняя девочка, не стоит прятаться в машине и уезжать без оглядки.

Но высокая светловолосая женщина была моей матерью и последним человеком, которого мне хотелось видеть.

– Ник! – крикнула сестренка, отпуская руку матери и бросааясь ко мне.

Я приложил все усилия, но не подал виду, что от ее пронзительного крика (а его может издавать только Мэдисон) у меня едва не заложило уши. Как только малышка приблизилась ко мне, я взял ее руки.

– Здравствуй, принцесса! – поздоровался я, обняв ее и не обращая внимания на мать, которая остановилась рядом.

– Привет, Николас, – сказала мать робко, но держась прямо, как всегда. Она не слишком изменилась с тех пор, как я видел ее в последний раз, около восьми месяцев назад, когда она и ее муженек недосмотрели за дочерью, и Мэдди угодила в больницу из-за диабетического кетоацидоза.

– Что ты здесь делаешь? – прошипел я, осторожно опуская Мэдди на землю.

Моя сестренка тут же встала между нами, схватив мою ладонь и потянувшись к матери.

– Наконец-то мы втроем! – воскликнула Мэдди, полная иллюзий.

Не знаю, сколько раз сестра умоляла меня приехать в гости, сколько раз настаивала на том, чтобы я поиграл вместе с ней в детской. Она приглашала меня на любые праздники. У всех просьб была одна цель: чтобы мы с матерью находились в одном помещении.

– Я хотела поговорить с тобой, – ответила мать, напрягаясь, но стараясь не подать виду.

Я смерил ее взглядом. Она была превосходно одета, короткие светлые волосы увенчивала нелепая диадема или нечто в этом роде. Мать была такой же, как все женщины, которые окружали меня сизмальства, а их я ненавидел и презирал за то, что они были такими примитивными. Благодаря ее внешности любые мужчины, которых она когда-либо встречала, относились к ней, как к пчелиной матке: боготворили и хотели трахнуть.

– Ничто из того, что ты хочешь сказать, меня не интересует, – процедил я, стараясь, чтобы она не заметила, как сильно меня влекло к ней и одновременно было неприятно ее видеть.

Воспоминания о детстве пронзали разум: мама укладывала меня спать и защищала от отца, пекла мне блинчики по воскресеньям... но эти воспоминания быстро сменили другие, которые я никогда не желал возрождать.

– Пожалуйста, Ник... я...

– Ник! – прервала ее Мэдисон. – Мама хочет поехать с нами, правда! Она мне сказала.

Я посмотрел на мать, на эту светловолосую женщину, и, думаю, взгляд, который я кинул на нее, внушил ей страх, потому что она поспешила возразить:

– Мэдисон, лучше вы поедете вдвоем, а мне нужно в салон красоты, милая. Увидимся вечером. – Она наклонилась, чтобы поцеловать дочь в макушку.

Мне было странно видеть ее отношение к Мэдди. Пола-

гаю, часть меня ожидала, что мать будет холодна или просто равнодушна, что угодно... но меня озадачивала та нежность, которую она проявляла по отношению к девочке.

Мать могла быть милой, но и стервой тоже.

Мэдди промолчала и посмотрела на нас. Я хотел обратиться отсюда как можно скорее, мне пришлось призвать все самообладание, когда мать сделала шаг вперед и чмокнула меня в щеку. Что она себе позволяет? Что еще задумала?

– Береги себя, Николас, – сказала она, развернулась и удалилась.

Я больше не уделил ей ни секунды. Присел перед сестренкой на корточки и расплылся в улыбке.

– Каким китайским пыткам ты меня сегодня подвергнешь, принцесса? – спросил я, заключив ее в объятия и сажая на плечо.

Мэдди захихикала, и вся тоска, которая только что переполняла мою душу, бесследно исчезла. Со мной сестренка никогда не будет грустить, мысленно пообещал я себе, вспомнив, что подумал то же самое много лет назад, когда впервые увидел ее.

Лион ждал нас у дверей отеля, и у парня явно было такое же сильное похмелье, как и у меня: я не мог не расхохотаться, когда Мэдди бросилась обнимать его и что-то верещать адски пронзительным голосом.

Лион сгреб ее в охапку и перевернул вниз головой. Я сме-

ялся, а сестренка завопила как одержимая. Только безумцу могло прийти в голову оставить малышку двум варварам вроде Лиона и меня.

– Куда отправимся, мисс? – спросил Лион, аккуратно поставив на землю маленького монстра с огромными голубыми глазами и светло-золотистыми волосами.

Мэдди взволнованно озиралась по сторонам и поглядывала на меня. Она никак не могла решить, что ей хочется. Наши возможности были безграничны, мы ведь в мировой столице веселья.

– Можно посмотреть на акул? – воскликнула она, прыгая на одном месте.

Я вздохнул.

– Опять? Мы уже тысячу раз туда ходили!

Тем не менее моя сестренка, в отличие от любой девочки ее возраста, любила наблюдать за хищными акулами и осмеливалась дразнить их, стоя перед стеклом.

После обеда мы отправились в океанариум. Сестренка была довольна и бегала туда-сюда. Пока Лион следил за ней, и они оба дурачились перед белой акулой, которая, пожалуй, их испугалась, я вытащил телефон, чтобы узнать, не прислала ли Ноа что-нибудь, но ничего не обнаружил.

Тогда я решил использовать безотказный козырь.

– Эй, гном, иди сюда!

Мэдди уставилась на меня.

– Я не гном, – возмутилась она.

«Как скажешь», – подумал я.

– Давай сфоткаемся для Ноа.

Ее глаза загорелись, когда я упомянул о Ноа. Наверное, такое же выражение лица бывает у меня каждый раз, когда я упоминаю о своей девушке или нахожусь с ней рядом.

Я включил камеру и обнял Мэдди, чтобы сделать селфи.

– Высунь язык, Ник, вот так! – велела мне маленькая умица, одновременно высунув свой язычок.

Я рассмеялся, но сделал, как она велела.

Фотографию я отправил Ноа вместе с сообщением.

Скучаю по тебе, Рыжая, и мелкий монстр – тоже. Я тебя люблю.

13. Ноа

Проснувшись, я первым делом включила мобильник. Накануне я так и не ответила на последнее сообщение Ника.

Открыла приложение и увидела, что он прислал еще одно четыре часа назад. Я просто растаяла, рассматривая фотографию: Николас был рядом с Мэдди, оба высунули языки и улыбались. Он был настолько красивым, с взъерошенными черными волосами... а девочка была на него похожа, но при этом, конечно же, сильно отличалась от старшего брата... Я прекрасно понимала, что, когда он ездит повидаться с Мэдди, ему бывает сложно и потом он долго приходит в себя.

Я скучала по Нику. Мне ужасно хотелось услышать его голос. Почему моего парня нет рядом?

К счастью, мама отдыхала в отдельной спальне, поэтому мне никто не мешал. Я набрала номер Ника. С нетерпением ждала его ответа... В Америке уже ночь, наверное, он спал, однако я очень хотела услышать его голос.

– Ноа? – тихо сказал он после нескольких гудков.

– Скучаю по тебе, – призналась я.

Я услышала какой-то шум и представила, как он включает ночник и проводит рукой по волосам, зевая и окончательно просыпаясь.

– Не буди меня для этого, Рыжая, – пробормотал он, застонав. – Скажи лучше, что развлекаешься и даже не вспо-

минаешь обо мне, а если нет, эта глупая поездка не имеет никакого смысла.

Я грустно улыбнулась, положив голову на подушку.

– Ты в курсе, что я хорошо провожу время, но без тебя все не так, – ответила я, зная, что, несмотря на его заявление, Нику нравится, когда я говорю, что тоскую без него. – Как дела у Мэдди? – спросила я. Я бы с удовольствием навестила малышку вместе с ним. Мне нравилось смотреть, как он играет с сестренкой: это был совершенно другой Ник, милый и терпеливый, веселый и надежный.

На мгновение наступила тишина, а затем Николас вздохнул.

– Ее привела мать, – пояснил он тоном, который я слишком хорошо знала. – И это надо видеть... она вся такая надутая, настоящая сорокалетняя Барби. Она понимает, что при ребенке я не буду обращаться к ней так, как она того заслуживает.

Проклятье. Я еще не забыла, как плохо ему стало, когда Мэдди очутилась в больнице. В его голосе было столько отчаяния, а на глаза навернулись горькие слезы. Он так любил младшую сестру, но не слишком часто с ней виделся...

– Не следовало форсировать события, – раздраженно заметила я.

Ник, конечно, понимал, что мать хочет восстановить с ним контакт, в конце концов, он ведь ее сын, но нельзя было помещать парня между молотом и наковальней.

– Не возьму в толк, какого черта ей надо, но я не хочу ее видеть, мне незачем что-либо знать о ней или о ее жизни, – зло добавил Ник, однако я уловила в его голосе умело скрытую грусть и сразу же сообразила, что в глубине души он жаждал увидаться с матерью и, наверное, поговорить с ней начистоту.

– Николас... тебе не кажется, что... – осторожно начала я, но он прервал меня.

– Пожалуйста, Ноа, не надо, даже не пытайся! Я не собираюсь общаться с этой женщиной, не желаю находиться с ней в одной комнате! – рявкнул Ник.

Только однажды я намекнула, что ему все же стоит встретиться с матерью, дать ей возможность объясниться или, по крайней мере, попытаться сохранить добрые отношения, но он пришел в ярость. Было что-то еще, что Ник не рассказывал мне. Я понимала, что он бы не ненавидел ее с такой силой только по той причине, что она его бросила. Разумеется, для ребенка, это самое ужасное, но случилось кое-что еще.

Ник хранил от меня какой-то секрет, связанный с его мамой, и не хотел им делиться со мной.

– Ладно, извини, – согласилась я, пытаюсь разрядить атмосферу.

Он беспокойно задышал в телефон.

– Я мечтаю проникнуть в тебя, Ноа, забыть обо всем дерьме и часами заниматься с тобой любовью. Будь проклят час, когда ты уехала.

Услышав его слова, я почувствовала, как бабочки порхают в животе. Я еще сердилась, но слова Ника разожгли мою страсть. Мне так хотелось оказаться в его объятиях, позволить ему целовать мое тело, почувствовать, как его руки обездвиживают меня на кровати, твердо и уверенно, но всегда с бесконечной нежностью и заботой...

– Мне жаль, что мой отъезд так ужасен для тебя... правда, Ник. Я тоже мечтаю быть с тобой прямо сейчас, – ответила я, пытаюсь достучаться до парня, но осознавая, что Николас – человек, которому нужен физический контакт, чтобы почувствовать себя хорошо и ощущать, что его любят... Не представляю, достаточно ли моих фраз, чтобы заставить его понять, как сильно я его люблю и как мне жаль, что он страдает из-за матери, и никто не может помочь, кроме меня, поскольку он никогда не говорил об этом ни с кем, даже с Лионом.

– Не волнуйся за меня, Ноа, я в порядке, – заявил он секунду спустя. С одной стороны, Ник хотел, чтобы путешествие было приятным, но с другой – упрекал, потому что я оставила его.

Я вздохнула и подумала, что моя мама наверняка уже проснулась. Мы долго спали, и, если хотели успеть сделать все, что планировали сегодня, должны были поторопиться.

– Мне пора, – сообщила я, хотя и желала говорить с ним часами.

Он молчал.

– Береги себя. Я тебя люблю, – наконец сказал он и дал отбой.

Путешествие было потрясающим, как бы я ни скучала по Нику, я не могла поверить, что мне посчастливилось побывать во всех этих замечательных местах. Италия мне очень понравилась, мы посетили римский Колизей и гуляли по старым улицам, ели тортеллини, начиненные сыром, мясом и овощами, и лучшее малиновое мороженое, которое я когда-либо пробовала в жизни.

А теперь мы уже второй день в Лондоне. Я влюбилась в этот город. Все здесь казалось сошедшим прямо из романа Диккенса. Книги английских классиков, которые я успела прочитать, помогли мне познакомиться с британской столицей. Я словно переносилась в романтические истории, в которых женщины прогуливались по Гайд-парку верхом или пешком, всегда в компании своих спутников, разумеется.

Повсюду возвышались старинные, но прекрасно сохранившиеся здания. На улице Пикадилли, как всегда, бродили толпы людей: менеджеры в деловых костюмах, хиппи в разноцветных вязаных шапочках и просто туристы, такие же, как и я, прогуливались туда-сюда и любовались витринами этой великолепной улицы. Универмаг «Хэрродс» очаровал меня, но также и ужаснул ценами, хотя, думаю, кому-то вроде Лейстеров отдать десять фунтов за крошечную упаковку шоколадных конфет не составляло никакого труда.

Мама была в восторге от лондонского великолепия. Она

казалась такой же взбудораженной, как и я, а ведь она и Уильям уже успели попутешествовать вдвоем. Медовый месяц они тоже провели в Лондоне, а затем отправились на две недели в Дубай.

Тем не менее мать была гораздо более подготовленной, что было видно невооруженным глазом. Она даже посмеивалась надо мной, но мы обе знали, что, сколько бы городов она ни повидала, эта поездка для нее – особенная, ведь мы проводили все дни вместе.

Шло время. Мы путешествовали уже четырнадцать дней. Еще предстояло посетить Францию и Испанию. Уже минуло три дня с момента последнего разговора с Николасом. Обычно мне не приходилось делить номер с мамой. Мы всегда спали в люксе с двумя отдельными комнатами, но во Франции с бронированием что-то перепутали, поэтому мы оказались не просто в одном номере, но и в одной кровати.

– Тебе нравится Париж? – спросила мама, снимая сережки.

Она уже надела пижаму, а я была завернута в полотенце, с волос капала вода: только что я приняла душ.

– Прекрасный город, – ответила я, вытираясь.

Я повернулась к зеркалу, у которого мама расчесывала волосы. Ее глаза в зеркале на несколько секунд застыли, рассматривая шрам на моем животе.

Я не должна была раздеваться перед ней. Я ведь знала, как она огорчается каждый раз, когда видит свидетельство того,

что в детстве я едва не погибла, спасаясь от отца. В ней воскресали плохие воспоминания, они пронзали ее разум, и я захотела заставить мать вернуться к любой радостной мысли, прежде чем она обвинит себя в чем-то, в чем не виновата.

– Ты говорила с Николасом? – спросила она через минуту, когда я забралась в постель уже в пижаме и ждала, когда она закончит наносить все кремы, которые взяла в поездку.

– Да, он передавал тебе привет, – солгала я, стараясь не выдать себя. Отношения между Николасом и моей матерью были не самыми лучшими, поэтому я старалась не говорить ничего лишнего.

Мама задумчиво кивнула.

– Ты счастлива с ним, Ноа? – вдруг спросила она.

Я не ожидала вопроса и на несколько мгновений потеряла дар речи. Ответ был прост: конечно, я счастлива с ним больше, чем с кем-либо еще. Затем я вспомнила, что однажды, когда мы с Ником еще не встречались, он спросил меня о том же: была ли я счастлива.

Я тогда ответила, что счастлива, когда он рядом. Но ведь теперь его нет возле меня! А что я испытываю вдали от него? Была ли полностью счастлива прямо сейчас, находясь здесь, в номере отеля, за тысячи километров от Ника, хоть и знала, что он любит меня – и очень скоро мы снова будем вместе?

– Твое молчание тревожит.

Я подняла глаза и поняла, что мать неправильно все истолковала.

– Конечно, я счастлива с ним, я люблю его, мамочка, – поспешила уточнить я.

Она нахмурилась.

– Ты выглядишь не очень уверенной, – заявила она, но, похоже, я услышала некоторое облегчение в ее голосе.

– Проблема в том, что я слишком люблю его, – бросила я. – Моя жизнь без него не имела бы никакого смысла, и это пугает меня.

Мама на секунду закрыла глаза, а потом внимательно посмотрела на меня.

– Тут нет никакой логики.

Конечно, у меня она была. У нас с Николасом все серьезно, с ним я чувствовала себя защищенной, он оберегал меня от кошмаров, обеспечивал безопасность, которой мне не хватало на протяжении всей моей жизни. Он был единственным человеком, которому я могла рассказать о любых проблемах. Поэтому, когда мы были в разлуке, я чувствовала, что теряю контроль над собой. Меня преследовали мысли, которых не должно быть, я чувствовала то, что не должна ощущать.

– В этом вся логика мира, мама. Я думала, что ты, из множества людей, которых я знаю, поймешь меня, ведь я вижу, как ты влюблена в Уильяма.

Она покачала головой.

– Ты ошибаешься, никто не должен быть причиной твоего существования, слышишь меня, Ноа? – Внезапно она по-

бледнела и с тревогой посмотрела на меня. – Моя жизнь долгое время вращалась вокруг одного человека, того, кто не заслуживал ни минуты моего внимания. Когда я была с твоим отцом, верила, что только он способен вынести меня, считала, что никто никогда не сможет любить меня, а я не сумею жить без него.

Мое сердце начало учащенно биться. Очень редко мама рассказывала мне об отце.

– Боль, которую он причинял мне, не могла сравниться со страхом, который я испытывала, находясь вдали от него... Такие люди, как твой отец, проникают в разум и делают с партнером, что захотят. Никогда не позволяй мужчине захватить твою душу, Ноа. Ты не можешь предугадать, что он собирается с ней делать, хранить и почитать – или позволить ей увянуть в его руках.

– Николас не такой! – нервно крикнула я. Я не хотела слышать это из уст матери. Зачем она говорит мне такое! Сердце снова будет разбито. Николас любит меня и никогда не бросит, он не был похож на отца и никогда не будет.

– Ноа, хочу сказать лишь одно: на первом месте должна быть именно ты, а потом остальные... Мы всегда должны ставить себя на первое место, и если твое счастье зависит от парня, значит, тут есть над чем задуматься. Мужчины приходят и уходят, но счастье – это то, что только ты можешь себе дать.

Я старалась, чтобы сказанное не повлияло на меня, одна-

ко слова матери крепко засели в душе. И ночь стала показательным примером.

Мои руки были связаны. Повязка так плотно закрывала глаза, что свет не пробивался через ткань. Сердце бешено билось, холодный пот стекал по телу, дыхание, учащенное от страха, свидетельствовало о том, что у меня вот-вот начнется приступ паники.

Я была одна, никого рядом. Бесконечная тьма окружала меня, а вместе с ней и причина всех моих страхов. Затем внезапно с меня сняли повязку и развязали веревки на руках. В большое окно проникал дневной свет. Я побежала по бесконечному коридору, а внутренний голос твердил, что я должна остановиться: ведь на другой стороне меня не ждет ничего хорошего.

Я все равно выбралась из коридора, и меня сразу окружила толпа одинаковых Ронни, направивших на меня пистолеты. Я замерла, боязливая и дрожащая. От пота футболка стала мокрой.

– Ты знаешь, что должна сделать, – сказали мне все Ронни одновременно.

Я повернулась к пистолету, который лежал на разбитом деревянном ящике. Дрожащими руками схватила пушку и после нескольких секунд колебаний, как профессионал, сняла оружие с предохранителя и повернулась, чтобы встретиться лицом к лицу с человеком, который стоял на коле-

нях прямо передо мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.